

НАСТОЯЩЕЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

WOE TO
Earth smother you
The devil
Beast
Let him
on the

МОРИ ТЕРРИ

АБСОЛЮТНОЕ

ЗЛО

ПОИСКИ СЫНОВЕЙ СЭМА

18+

КЛАССИКА ТРУ-КРИМА, ВОДХНОВИВШАЯ СОЗДАТЕЛЕЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО СЕРИАЛА ОТ NETFLIX «СЫНОВЬЯ СЭМА. ПАДЕНИЕ ВО ТЬМУ»

Настоящее преступление

Мори Терри

**Абсолютное зло:
поиски Сыновей Сэма**

«Издательство АСТ»

1987

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

Терри М.

Абсолютное зло: поиски Сыновей Сэма / М. Терри —
«Издательство АСТ», 1987 — (Настоящее преступление)

ISBN 978-5-17-144773-1

Кто приказывал Дэвиду Берковицу убивать? Черный лабрадор или кто-то другой? Он точно действовал один? Сын Сэма или Сыновья Сэма?.. 10 августа 1977 года полиция Нью-Йорка арестовала Дэвида Берковица — Убийцу с 44-м калибром, более известного как Сын Сэма. Берковиц признался, что стрелял в пятнадцать человек, убив при этом шестерых. На допросе он сделал шокирующее заявление — убивать ему приказывала собака-демон. Дело было официально закрыто. Журналист Мори Терри с подозрением отнесся к признанию Берковица. Вдохновленный противоречивыми показаниями свидетелей и уликами, упущенными из виду в ходе расследования, Терри был убежден, что Сын Сэма действовал не один. Тщательно собирая доказательства в течение десяти лет, он опубликовал свои выводы в первом издании «Абсолютного зла» в 1987 году. Терри предположил, что нападения Сына Сэма были организованы культом в Йонкерсе, который мог быть связан с Церковью Процесса Последнего суда и ответственен за другие ритуальные убийства по всей стране. С Церковью Процесса в свое время также связывали Чарльза Мэнсона и его секту «Семья». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-144773-1

© Терри М., 1987
© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Предисловие	8
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Мори Терри

Абсолютное зло: поиски Сыновей Сэма

*Посвящается Роберту и Джозефу Терри;
тем, кто всегда был рядом;
и памяти невинно убиенных*

Maury Terry
The Ultimate Evil:
The Search For the Sons of Sam

Перевод с английского: Елена Капитонова

В оформлении обложки использованы фотоматериалы из газет «Ганнетт Вестчестер-Рокленд» и «Нью-Йорк пост»

Text copyright © 1987 by Maury Terry

Introduction copyright © 2021 by Joshua Zeman

© Елена Капитонова, перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Предисловие

*Джошуа Земан*¹

О Мори Терри я впервые узнал летом 2008 года. В то время я снимал у себя на родине, в нью-йоркском Стейтен-Айленде, свою первую документалку – о пяти пропавших детях и человеке, связанном с их исчезновением. Причиной моего интереса к этому делу стала местная легенда о страшиле по имени Кропси, услышанная много лет назад. Ребята из нашего района говорили, что Кропси – это сбежавший пациент психушки, который обитает в туннелях под заброшенной государственной школой Уиллоубрук и по ночам выходит оттуда, чтобы похищать на улицах детей.

Большую часть моего детства Кропси оставался не более чем персонажем назидательной истории – так было до лета 1987 года. В то лето мне исполнилось пятнадцать, и в нашем районе пропала Дженнифер Швайгер, двенадцатилетняя девочка с синдромом Дауна. После более чем шести недель поисков ее тело нашли на территории той самой государственной школы Уиллоубрук. Тогда я еще не знал, что Уиллоубрук имеет гнусную историю. На протяжении нескольких десятилетий, пока вышедший в 1972 году разоблачительный репортаж Херальдо Риверы не привел к его закрытию, это «ставшее змеиным логовом учреждение», как назвал его Бобби Кеннеди, превращало в кошмар жизни сотен умственно отсталых детей. Спустя пару дней после обнаружения тела Дженнифер полиция арестовала человека по имени Андре Рэнд. Он не был пациентом психушки, как гласила городская легенда, но раньше работал в Уиллоубруке санитаром и жил на территории школы. Полиция сообщила, что подозревает Рэнда в причастности к исчезновению еще четырех детей, пропавших с начала 70-х годов. Для ребят Стейтен-Айленда легенда о Кропси обрела пугающую реальность.

В итоге Рэнда отправили в тюрьму за похищение Дженнифер Швайгер, а я сменил место жительства. В 2004 году Рэнд вернулся в Стейтен-Айленд, чтобы предстать перед судом по делу об исчезновении еще одного ребенка, а я вновь приехал туда в качестве режиссера, чтобы выяснить, что же на самом деле произошло с теми пропавшими детьми, и понять, насколько реален был страшила моего детства. Однако, пытаясь разобраться с одной городской легендой, я вскоре наткнулся на другую – или то, что, по крайней мере, можно было считать таковой.

В беседах с жителями Стейтен-Айленда, участвовавшими в поисках Дженнифер в 1987 году, не раз всплывали слухи о «дьяволопоклонниках», которые якобы шастали по лесам острова и проводили обряды на территории Уиллоубрука. В то время нацию охватила сатанинская паника². В 1988 году Херальдо Ривера, человек, поспособствовавший закрытию школы Уиллоубрук, довел эту истерию до максимума, выпустив в прайм-тайм сенсационный репортаж под названием «Поклонение дьяволу: разоблачение сатанинского подполья». Я и по сей день пребываю в уверенности, что большинство тамошних «свидетелей» были не более чем шкодливыми подростками, находившими удовольствие в издевательствах над собственными родителями. Однако в какой-то момент работы над нашим фильмом *что-то* произошло. Истории начали меняться.

Легенды обретали непривычную конкретность, когда люди рассказывали о действовавшем на острове культе, который якобы стоял за исчезновениями детей. Самое интригующее,

¹ Режиссер документального сериала «Сыновья Сэма. Падение во тьму», премьера которого состоялась в мае 2021 года на Netflix (*здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев – примеч. перев.*).

² Социальный феномен 1980-х, состоявший в распространении в США, Великобритании и ЮАР массовой истерии относительно существования масштабного сатанинского заговора с совершением ритуальных убийств людей и десятками тысяч жертв.

что этот культ, как говорили, был связан с печально известными убийствами Сына Сэма. Конечно, я знал историю Дэвида Берковица – безумца, утверждавшего, что убивать парочки в припаркованных нью-йоркских автомобилях знойным летом 1977 года ему приказала собака-демон. И раз уж мой фильм был посвящен как «детским», так и «взрослым» городским легендам, я решил копнуть глубже.

В попытке собрать воедино слухи о так называемом культе Сына Сэма я вскоре вышел на местного репортера, сумевшего подтвердить несколько передававшихся из уст в уста фактов, – имя, дату, адрес дома, куда навевалась полиция. Репортер представил меня эксцентричному адвокату, который добавил кое-что к моему растущему списку улик. В конце концов мне удалось найти действительно заслуживающий доверия источник – вышедшего на пенсию детектива из отдела нераскрытых преступлений полиции Нью-Йорка, человека, обученного собирать доказательства, а не догадки. После долгих уговоров детектив согласился рассказать мне об источнике этих слухов. Как-то вечером он свел меня с двумя другими детективами, и они вместе раскрыли тайну, десятилетиями кружившую по отделам нью-йоркской полиции: Дэвид Берковиц, печально известный Сын Сэма, действовал не в одиночку.

Я узнал о наличии среди бывших и нынешних служащих полиции Нью-Йорка детективов, которые в ходе своих расследований пришли к выводу, что Дэвид Берковиц имел сообщников и что предположения о некоем культе были правдой. И хотя полицейские не думали, что дела пропавших в Стейтен-Айленде детей связаны между собой, они, тем не менее, считали, что культ в ответе за множество других нераскрытых убийств в окрестностях Нью-Йорка. Многие детективы поделились своими умозаключениями с журналистом по имени Мори Терри, который позднее написал по результатам собственного расследования книгу под названием «Абсолютное зло».

Я и сейчас считаю «Абсолютное зло» одной из самых страшных книг, которые я когда-либо читал, и уверен, что не одинок в этом. Будучи скептиком, привыкшим разоблачать ночные страхи, я по-прежнему верю, что в «Абсолютном зле» есть нечто уникально тревожное. Быть может, все дело в том, что книга сочетает правдоподобное с невероятным. Как бы сложно ни было согласиться с утверждениями Терри, от них столь же трудно отмахнуться – как и от загадки Церкви процесса, секты, исследуемой Терри в своем труде. Одни считают ее культом фанатиков, ответственных за серию ритуальных убийств по всей стране. Для других члены секты не более чем козлы отпущения, чья манерная игра на публику послужила причиной клеветы в их адрес. Вне зависимости от их истинных намерений, Терри, похоже, нашел идеальную городскую легенду для взрослых.

Мое увлечение «Абсолютным злом» основано на желании понять, как люди умудряются не видеть разницы между различными оттенками зла. Меня всегда интересовали знатоки оккультизма – их занимательные теории, но также допускаемые ими грубые искажения. Терри ничем от них не отличается. Хотя термин «сатанизм» имеет в этой книге довольно широкое значение, думаю, Мори в итоге пришел к пониманию того, что настоящие сатанисты не поклоняются дьяволу. На самом деле, все совершенно иначе. Истинные последователи сатанизма гораздо ближе к атеизму и либертарианству, чем к какой-либо из существующих религий. Впрочем, это еще не значит, что отдельные люди, будучи католиками, иудеями, мусульманами или даже сатанистами, не используют собственную веру или ее отсутствие в качестве средства морального оправдания своего девиантного поведения.

Моя первая личная встреча с Мори состоялась осенью 2010 года в маленькой квартирке, расположенной в мансарде дома в городе Йонкерс. Мори тогда носил кислородную маску, поскольку боролся с острой пневмонией, не в последнюю очередь вызванной десятилетиями непрерывного курения. Он наотрез отказался выходить из дома, поэтому я принес ему сэндвичи с тунцом. Пока мы ели, он потчевал меня историями – не только о Сыне Сэма, но и о других нераскрытых преступлениях, будораживших нью-йоркскую общественность. Именно

тогда я понял, что нашел нечто особенное – знающего наставника и ненадежного рассказчика в одном лице.

Даже подружившись с Мори Терри, я по-прежнему скептически относился к его истории – тому, что он называл «Заговором Сына Сэма». Думаю, он и сам это прекрасно понимал, отчего вечно старался доказать мне правдивость собственной теории – в том числе и потому, что слишком многие годами называли его чокнутым. К их несчастью, подобные заявления лишь заставляли его удваивать усилия, придавали ему задора, что, в свою очередь, приводило к тому, что безумные заявления начинали казаться в некоторой степени правдивыми.

Все время, пока мы общались, Мори то и дело приставал ко мне с просьбами снять документальный фильм о его расследовании, а я все эти годы отказывался. История о культуре казалась мне увлекательной, но я хотел превратить «Абсолютное зло» в художественное произведение. Возможно, я опасался, что в процессе работы обнаружу, что большая часть его истории далека от истины. Или, быть может, я уже тогда понимал то, в чем уверен сейчас: Мори слишком сильно сросся со своей историей. Он провалился в кроличью нору собственного расследования и попал в созданную им же самим ловушку. Потратив столько лет на разоблачение одного заговора, он породил другой.

Трагично, и это подводит нас к ключевому вопросу: правдива ли история Мори Терри? Все последнее десятилетие я задавал себе этот вопрос, а последние пять лет пытался на него ответить. Именно он подтолкнул меня наконец начать работу над документалкой, идеей которой Мори вечно меня донимал. Конечно, будь я умнее, то сказал бы, что вам непременно нужно посмотреть этот документальный фильм, однако наш сериал во многих отношениях лишь скользит по поверхности истины. Лучшее, что я могу сказать: будь все изложенное неправдой, я бы сейчас не сидел здесь и не писал это предисловие. Все, что я могу сделать, это бросить вам, читателям, вызов: подходите к написанному в книге с долей здорового скептицизма, но в то же время отнеситесь к нему непредвзято. Судите сами, сумеете ли вы разгадать тайну, на изучение которой я и многие другие потратили столько времени. Но прежде чем вы приступите, считайте нижесказанное предупреждением...

«Абсолютное зло» – увлекательное чтение, журналистское расследование эпических масштабов. Однако это также поучительная история о том, что значит превратиться в человека, одержимого реальным преступлением.

Обычно *одержимость тру-краймом* означает всего лишь то, что выходные уйдут на всестороннее исследование деталей нового любимого дела, однако для Мори Терри оно обернулось падением в бездну – расследование, отнявшее почти четыре десятилетия, в конечном итоге разрушило его жизнь.

Не думаю, что Мори хоть на миг по-настоящему уверовал в дьявола, но точно знаю, что он верил в него как в объединяющую силу, которую можно использовать для создания так называемой сети или того, что он называл заговором. И хотя сложно отрицать тот факт, что некоторые люди используют религию для оправдания собственной девиантности, я не согласен с предложенной Мори идеей заговора. Думаю, мы склонны верить в призрак организованного зла, чтобы объяснить себе поведение, которого не понимаем, и так защититься от куда более тревожной мысли – что эта пугающая злоба не просто существует, а живет в глубине каждого из нас, ожидая момента, когда сможет проявиться. В конце концов, гораздо страшнее признать, что нет никакого грандиозного заговора – ни структуры, ни организации, ни средства для реализации безумия, преследующего всех нас. Существует только неподвластный контролю хаос. Для меня это и есть абсолютное зло.

Расхожее выражение гласит, что «самой большой хитростью дьявола было убедить человечество в том, что он не существует». Я предпочитаю говорить иначе. Думаю, самой большой хитростью человека было убедить *себя* в том, что дьявол существует. Конечно, вы, читатель,

придете к собственным выводам. Но я предостерегаю вас от слишком долгого взглядывания во тьму. По правде говоря, никогда не знаешь, что можно там найти.

Часть I

По следам ужаса

У нас была настоящая паника. Город был готов буквально взлететь на воздух.

Стив Данливи, колумнист «Нью-Йорк пост»

Я все еще здесь. Как дух, блуждающий в ночи.
Из письма Сына Сэма

...вершина Небес, соединенная с чистой ненавистью, поднятой из самых глубин Ада.

Роберт де Гримстон, лидер сатанинского культа

Глава 1

Сатана в Стэнфорде

В 11 вечера 12 октября 1974 года утопающий в пышной зелени кампус Стэнфордского университета гремел звуками субботних вечеринки. Бурные всплески музыки, хохота и раскатистого «вум-вум-вум» бас-гитар доносились из окон и дверей общежитий, пока студенты расслаблялись после недели занятий, домашних заданий и футбольной лихорадки.

Университет, многие годы известный прежде всего как оплот академических знаний, переживал приступ любви к большому спорту. 1 января 1971 года вынырнувшая словно из ниоткуда и казавшаяся ничем не примечательной команда «Стэнфорд Индианс» под руководством Джима Планкетта потрясла мир, завоевав кубок «Роуз Боула»³. Четыре сезона спустя воспоминания об этом по-прежнему внушали гордость, а привычный для осенних суббот пыл еще не угас.

И, хотя была уже середина октября, День Колумба⁴ – в северных районах страны это время тлеющих сухих листьев и созревающих тыкв, – в Пало-Альто стоял ясный, приятный вечер. Легкий ветерок мягко шелестел ветвями эвкалиптов и пальм, усеивавших кампус, и разносил музыкальное веселье по всем уголкам сияющего комплекса.

В благоприятном климате калифорнийской Кремниевой долины, расположенной примерно в сорока милях к юго-востоку от Сан-Франциско, подобных ночей было много. Наименование долины, как и весь округ Санта-Клара, где она находилась, кричали о завтрашнем дне, прогрессе и достатке.

В окрестностях Пало-Альто, включая близлежащий город Сан-Хосе, размещалось множество высокотехнологичных корпораций, подобных IBM, которые создавали лаборатории и центры разработки для производства передовых компьютерных компонентов. Кремний – это неметалл, имеющий решающее значение для производства полупроводников, отсюда и название Долины.

³ *Роуз Боул*, или *Пасаденский турнир роз*, – традиционный матч по американскому футболу, проводящийся ежегодно 1 или 2 января на стадионе «Роуз Боул» в калифорнийском городе Пасадена, встреча ведущих университетских футбольных команд западных и восточных штатов, старейшее из университетских футбольных соревнований в США (с чем связано прозвище «Всеобщий дедушка»).

⁴ Праздник в честь годовщины прибытия Колумба в Америку, отмечаемый 12 октября, либо, в некоторых штатах, во второй понедельник октября.

И раз уж выпускники Стэнфорда год за годом пополняли ряды сотрудников корпораций, осевших в этом регионе, университет представлял собой неотъемлемую часть здешнего сообщества, ориентированного на академическую науку, дающего пристанище многим процветающим людям и успешно служащего анклавом как ученых, так и прагматичных бизнесменов. Хотя Стэнфорд и прочие местные образовательные учреждения считались символом философии либерализма, сама Долина служила прибежищем консервативных нравов и политических пристрастий – что было особенно заметно в сравнении с ее шумным северным соседом Сан-Франциско и шипящей бочкой с гадюками по прозвищу Лос-Анджелес, удаленной на менее угрожающее расстояние в 350 миль к югу.

Жители Долины воспринимали близлежащий Фриско как средоточие идей «Лета любви» 1967 года и приют гей-сообщества, детей-цветов, хиппи, чокнутых байкеров и психоделического рока группы *Jefferson Airplane*. Город был рассадником оккультных нравов и сатанизма, а также пристанищем печально известного района Норт-Бич, где Кэрол Дода⁵ и ее коллеги каждый вечер трясли буферами и прочими прелестями на потных сценах клубов «У Большого Эла» и «Кондор».

* * *

Для девятнадцатилетнего Брюса Перри, посвятившего тот октябрьский вечер учебным занятиям у себя в общежитии, подобные развлечения были столь же непонятны, как латынь, которую ему предстояло освоить в качестве прилежного студента второго курса медфака.

Долетающие снаружи субботние звуки казались ему лишь слабыми отголосками ветра и почти не привлекали внимание. Брюс Перри был предан учебе, и выходные, проведенные с Гиппократом, считал ничуть не хуже вечеров с *Led Zeppelin*⁶, предпочитаемых его менее трудолюбивыми коллегами по кампусу.

Не то чтобы Брюс был настолько серьезен всегда. Порой и он мог наслаждаться моментом. Однако в ближайшем будущем подобные радости казались ему столь же далекими и недоступными, как и его родной город Бисмарк в Северной Дакоте.

Брюс Перри во всех отношениях был стопроцентно американским мальчиком из стопроцентно американского городка, чья семья воспитывала его в духе картин Нормана Роквелла⁷. Будучи сыном успешного дантиста Дункана Перри, кудрявый красавец Брюс в Бисмарке блистал как в учебе, так и в спорте. Его дни в старшей школе протекали насыщено и оживленно.

В 1973 году он окончил школу, имея в активе несколько престижных легкоатлетических наград, включая главный приз соревнования штата по бегу на четверть мили. И в школе, и в летних лагерях он пользовался популярностью, был глубоко религиозен и состоял в Братстве христианских спортсменов. Короче говоря, Брюс имел все основания стать успешным в этом мире. Более того, с 17 августа 1974 года Брюс был женат.

Его юная белокурая невеста, урожденная Арлис Дайкема, тоже девятнадцатилетняя, также из Бисмарка и в той же степени погруженная в религиозные дела, была его возлюбленной со школы. Пока Брюс в ту октябрьскую ночь трудился над домашним заданием, Арлис занималась своими делами в их небольшой, но уютной угловой квартирке на втором этаже университетского Квиллен-холла, предназначенного для размещения женатых студентов.

⁵ Кэрол Дода (1937–2015) – американская танцовщица, которая летом 1964 года первая в мире выступила топлес, после чего обрела статус культурной иконы и одного из символов «сексуальной революции» 1960-х.

⁶ Британская рок-группа, образовавшаяся в сентябре 1968 года в Лондоне и признанная одной из самых успешных, новаторских и влиятельных в современной истории.

⁷ Норман Роквелл (1894–1978) – американский художник и иллюстратор, прославившийся выразительными и во многом идиллическими изображениями повседневной жизни в небольших городках.

В районе половины двенадцатого Арлис собрала несколько писем, адресованных семье и друзьям в Бисмарке, и сказала Брюсу, что собирается их отправить. Брюс поначалу никак на это не отреагировал, но затем и сам решил прервать занятия, чтобы ненадолго выйти на улицу. Он понял, что Арлис чем-то обеспокоена, а сам он не предпринял ничего, чтобы скрасить ей вечер.

* * *

Для Брюса брак все еще был в новинку. Женитьба была идеей его родителей, сам же он испытывал по этому поводу все большие сомнения. Не то чтобы он не любил Арлис. Ему нравилось ее общество, и вместе они пережили немало счастливых моментов. Во многих отношениях они дополняли друг друга. Однако Брюс сожалел о том, как мало он видел свою нареченную на протяжении последнего года. Пока Арлис оставалась в Бисмарке, работала там со своими религиозными друзьями, училась в местном колледже и копила деньги на свадьбу, он жил в Стэнфорде один.

На протяжении месяцев разлуки пара поддерживала регулярную связь, но это было вовсе не то же самое, что постоянно быть вместе. За год после окончания школы люди могут повзреть по-разному.

Брюс принимал идею традиционного брака близко к сердцу, иного ему бы не позволила религиозность. По его убеждению, Арлис должна была чувствовать то же самое. Брюс считал, что настоящая жизнь семьи начинается с детьми и уютным домом. Однако для начала следовало пережить учебу в Стэнфорде и справиться со всеми трудностями становления начинающего медика или дантиста. Брюс понимал, что впереди у него непростой путь, но был полон оптимизма, пребывая в уверенности, что у него все получится, а всегда готовая ему помочь Арлис будет рядом.

Сама Арлис, с обывательской точки зрения, являла собой типичную представительницу американского среднего класса. Прилежная ученица, все три года учебы в старшей школе Бисмарка сочетавшая занятия с увлечением чирлидингом. Истовая христианка, преисполненная религиозным пылом, нехарактерным для США 1974 года.

Симпатичная, худенькая, почти хрупкого телосложения Арлис дружила со многими, но близко сходилась лишь с некоторыми. Улыбчивая, любознательная и пытливая натура, наделенная всепоглощающей страстью к учению Господа.

Привыкшая всегда быть в движении, свободные часы в Стэнфорде она посвящала частым долгим прогулкам по кампусу, иногда бегала, чтобы сбросить накопившуюся энергию. У нее были волнистые светлые волосы до плеч, она носила очки и – все мы имеем право на ошибки – порой выставляла себя непогрешимой, что выводило из себя тех, кто был увлечен Святым Писанием в меньшей степени, чем она. Религия, казалось, доминировала над всем остальным в ее жизни.

В Бисмарке Арлис, как и ее будущий муж, состояла в Братстве христианских спортсменов. Она также вступила в «Юную жизнь», студенческое евангелическое общество, члены которого преподавали в воскресной школе, изучали Библию и стремились донести Благою весть до широких масс. Среди этих широких масс были и люди, принадлежавшие к наркокультуре Северной Дакоты.

И поскольку Арлис в делах, касающихся веры, никогда ничего не делала наполовину, свою роль миссионерки она исполняла повсеместно и настойчиво.

Возможно, именно тогда этой значимой частью своей личности она разозлила дьявола.

* * *

Друзья признают, что до Брюса в жизни Арлис был еще один парень, но они мало что о нем рассказывают. Разве что называют это детской влюбленностью – с сердечками и цветочками, которые трепетно хранились в тетрадках задолго до того, как девушка начала встречаться с Брюсом.

Их связь основывалась на религии. Сближались они медленно, но потом романтика набрала обороты. Период свиданий и ухаживаний, год после помолвки, когда отношения поддерживались на расстоянии, пока Брюс грыз гранит науки во время первого года в Стэнфорде, и, наконец, альбом со свадебными фотографиями, запечатлевшими церемонию в Бисмаркской реформатской церкви 17 августа 1974 года.

После недельного медового месяца в деревенском домике, принадлежавшем родителям Арлис, пришла пора вернуться к занятиям, и в начале сентября новоиспеченные мистер и миссис Перри переехали на запад и поселились в своей калифорнийской квартире.

Одна из главных проблем пары разрешилась несколько недель спустя, 1 октября, когда Арлис устроилась на работу секретарем в приемную юридической фирмы в Пало-Альто, представив рекомендации из бисмаркского стоматологического кабинета Дункана Перри, где она работала неполный день.

Дополнительный доход улучшил финансовое положение семьи, и Арлис также было чем заняться, пока Брюс посещал занятия. В свободное время она продолжала исследовать обширный кампус и часто заходила помолиться в Стэнфордскую мемориальную церковь – большое, богато украшенное здание на главной площади университета. Брюс, когда ему позволял график, сопровождал ее туда.

* * *

Сложно сказать, тяготилась ли Арлис такой жизнью. Но она точно скучала по семье и друзьям в Бисмарке. Она была молода, не привыкла находиться вдали от дома, а обязанности Брюса, включавшие, помимо прочего, обучение первокурсников математике, отнимали большую часть его времени.

В одном из писем в Северную Дакоту она посетовала: «Здесь трудно найти друзей. Сколько раз мне хотелось пойти по домам с вопросом, не нужен ли кому-нибудь друг. Но, думаю, мы должны просто ценить своих близких и доверять Господу в том, что касается новых друзей».

Арлис также отмечала явные различия в образе жизни в Дакоте и Калифорнии. «Никто [здесь] не проявляет участия к другим, – писала она. – Они даже не поздороваются с тобой при встрече в лифте».

Арлис во всех смыслах оказалась вдали от дома.

Северная и Южная Дакоты прекрасны в своей простоте и провинциальности. Однако, хотя эта удаленность от центра помогает сохранить низкий уровень преступности, она также, по иронии судьбы, служит благодатной почвой для характерных правонарушений. Молодые люди балуются наркотиками и алкоголем повсеместно, но в Северной Дакоте подобные эксперименты порой затягиваются, поскольку в такого рода штатах отсутствуют развлечения, доступные в более густонаселенных регионах с крупными столичными центрами. Проще говоря, некоторых тяготит слишком близкое и долгое знакомство с «бескрайними просторами».

С другой стороны, Дакоты избавлены от невероятного количества преступлений, захватывающих большие города, где районы с низким уровнем дохода и промышленные зоны

потворствуют всем видам беспредела – торговле тяжелыми наркотиками, убийствам, изнасилованиям и уличным грабежам.

Этот новый, стремительно меняющийся мир ошеломил Арлис, как и многих до нее, и девушка внезапно ощутила себя мелкой рыбешкой в большом пруду. Брюс Перри понимал, как ей тяжело, ведь он сам пережил подобное годом раньше. Поэтому, уловив ее настроение в тот субботний вечер, он решил присоединиться к ней во время прогулки к почтовому ящику.

* * *

Около 23:30 молодая пара, явно в хорошем настроении, вышла из кампусного многоэтажного жилого дома. Увлеченные разговором, они медленно шли по территории университета и вдруг заспорили. Повод был незначительным, даже смехотворным, если только в тот момент они не держали в уме нечто иное. Одно из колес их автомобиля постоянно спускало, и каждый считал, что именно другой должен был его подкачать.

На горизонте показалась Мемориальная церковь, и они продолжали ссориться всю дорогу до нее. Было около 23:40.

Якобы обидевшись на Брюса, Арлис резко остановилась, повернулась к нему лицом и решительно заявила, что хочет побыть одна. Она сказала мужу, что собирается зайти в церковь и увидится с ним позже, когда вернется в квартиру, расположенную примерно в полумиле от этого места.

Злой не меньше нее, Брюс отвернулся от жены и поспешил обратно через кампус, не обращая внимания на окружающие его звуки веселья. Он не заметил, чтобы кто-нибудь за ним следил.

Примерно в 23:50 Арлис Перри открыла массивные внешние двери Стэнфордской мемориальной церкви и вошла в фойе, отделенное от основного помещения храма еще одним дверным проемом.

Стэнфордская мемориальная церковь представляет собой внушительное, пышно декорированное здание. От его благородной архитектуры захватывает дух, и когда Арлис вошла внутрь, то увидела ослепительные переливы алого и золотого. Роскошные бархатные гобелены красного и пурпурного цветов, скульптуры и канделябры из безукоризненно отполированного, сверкающего золота. Над всем этим возвышался великолепный золотистый купол.

Прямо напротив Арлис, на несколько ступеней выше пола церкви, находился главный алтарь. По обе стороны от него располагались полукруглые ниши с дополнительными скамьями, стоящими под углом к алтарю. В общих чертах здание напоминало раздавшийся вширь трехлистный клевер с алтарной нишей в центре.

* * *

Охрана кампуса обычно закрывала церковь в полночь. На часах было почти двенадцать, поэтому в ней в тот момент безмолвно молились всего двое верующих. Эти молодые люди, занимавшие скамью справа от центрального прохода в задней части церкви, в приглушенном свете размещенных по периметру ламп увидели, как Арлис тихо прошла по главному проходу, пробираясь к левой стороне одного из передних рядов, и преклонила колени, чтобы помолиться.

Во время этого ночного визита Арлис была одета не так уж строго – темно-коричневая куртка, блузка, синие джинсы и бежевые туфли на танкетке.

Брюс Перри после возвращения в Квиллен-холл продолжал переживать из-за ссоры с женой. Он вряд ли понимал, насколько нелеп названный Арлис повод для прогулки – сама идея

отправки писем поздно вечером в субботу. По воскресеньям почтовая служба Стэнфорда не работала, так что письма в любом случае пролежали бы нетронутыми до утра понедельника.

Также маловероятно, что Брюс предполагал возможность того, что Арлис хотела выйти из дома одна и использовала письма как предлог для этого. И он, скорее всего, не задумывался, насколько желание Арлис отправиться в церковь в одиночку адекватно произошедшей ссоре. Пока Брюс Перри в раздражении расхаживал по квартире, у него не было причин обдумывать такие мысли.

Тем временем в церкви, где Арлис устроила полночные моления, двое прихожан позади нее собрались уходить. Близилось время закрытия. Двинувшись к выходу, они оглянулись и увидели, что Арлис не сдвинулась со своей скамьи. Теперь она осталась одна в пещероподобном храме.

Снаружи прохожий заметил молодого человека, который собирался войти в здание. В обычной одежде, с волосами песочного цвета, слева разделенными пробором. Среднего телосложения, в темно-синей рубашке с короткими рукавами. На вид – от двадцати трех до двадцати пяти лет. По неясной причине свидетель отметил, что у этого мужчины на руке не было часов.

* * *

В 00:10 отставший на несколько минут от привычного графика охранник Стив Кроуфорд, стоя в задней части церкви, осмотрел помещение в поисках запоздалых посетителей, но никого не увидел. Там не было ни Арлис, ни незнакомца с песочного цвета волосами. Обращаясь к явно пустой, тускло освещенной церкви, Кроуфорд громко произнес: «Мы закрываемся на ночь. Церковь запирается на ночь. Если здесь кто-нибудь есть, вам придется уйти».

Ответом ему было лишь эхо, отражающееся от затененных статуй и темных стен. С чувством выполненного долга Кроуфорд закрыл двери, запер их и ушел – оставив Арлис Перри наедине с дьяволом. В доме Божьем.

В тот момент, когда Кроуфорд произнес вслух свое предупреждение, она почти наверняка уже была в руках Сатаны. Где бы она тогда ни скрывалась, она слышала слова охранника, слышала, как с лязгом закрываются огромные двери и как в наступившей вслед за этим мертвой тишине колотится ее сердце.

Но уже тогда она вряд ли верила, что ей удастся покинуть церковь живой.

* * *

Брюс Перри тем временем занервничал. Он ненавидел споры по пустякам. Ему не нравилось, что жена осталась в кампусе одна после полуночи, и он не собирался ждать ее дома сложа руки.

Поэтому он поспешил навстречу Арлис. После закрытия церкви они бы встретились по дороге. Однако этого не произошло, и удивленный Брюс слегка забеспокоился. Он смотрел на темный фасад церкви, на часах было пятнадцать минут первого. Двери заперты. Где же тогда Арлис? Он дошел до бокового входа, который также оказался закрытым, а затем обогнул здание сзади. Его жены не было и там. Тогда Брюс ушел, решив прочесать кампус.

Примерно в то же время прохожему послышался какой-то шум внутри церкви, в районе хоров. Но он не услышал ничего конкретного и просто прошел мимо.

Обход Брюсом кампуса не принес результатов. Все больше тревожась, он прекратил поиски и вернулся в Квиллен-холл. Однако Арлис дома не было. Брюс даже представить не мог, что жена *настолько* расстроена. В Стэнфорде она ни с кем не общалась, поэтому не могла

отправиться на какую-нибудь вечеринку. Нет, рассудил Брюс, она, должно быть, просто гуляет, успокаивается перед тем, как вернуться домой. Брюс Перри продолжал ждать и волноваться.

В два часа ночи, во время следующего обхода, охранник Стив Кроуфорд снова проверил церковь. Он убедился, что все двери заперты, и позже также заявил, что прошел через здание – как ему полагалось сделать – и не увидел и не услышал там ничего подозрительного.

На другом конце кампуса Брюс Перри оказался в затруднительном положении. В три часа ночи он наконец созрел обратиться за помощью и потянулся к телефону. Он позвонил в службу безопасности Стэнфорда и сообщил о пропаже жены, сказав диспетчеру, что Арлис, возможно, уснула в церкви, и ее заперли в здании.

Сотрудники службы безопасности восприняли его слова всерьез и отправились в церковь. Потом они скажут, что осмотрели наружные двери, и те были закрыты. К сожалению, действия охраны вряд ли можно назвать полезными. Они так и не зашли в помещение, а это был единственный способ выяснить, не спит ли человек внутри на одной из скамей. Сделай они это и будь их заявления и показания Кроуфорда правдой, они бы встретились с убийцей.

Это так, потому что, когда Кроуфорд в следующий раз вернулся к церкви в 5:30 утра, дверь с правой стороны здания была распахнута – взломана изнутри. Подобное наводит на мысль, что кто-то сбежал из церкви после визита сотрудников службы безопасности в три часа ночи, а это хотя и возможно, но маловероятно.

Куда более вероятно, что Кроуфорд, несмотря на его утверждения, не входил в здание в два ночи, а служба безопасности не проверяла все двери часом позже. Смерть Арлис наступила примерно в полночь, и трудно поверить, что убийца или убийцы слонялись по церкви в течение трех часов после этого.

Но теперь, в 5:30, настороженный взломанной боковой дверью Кроуфорд осторожно вошел в часовню. При слабом свете он быстро осмотрел главный алтарь, чтобы понять, не похищено ли что-нибудь ценное. Все, казалось, было на местах, поэтому Кроуфорд медленно двинулся по периметру помещения, с опаской поглядывая на скамьи. Именно тогда он и нашел пропавшую Арлис Перри.

И пожалел, что ему довелось это сделать.

* * *

По словам служителя церкви, позднее видевшего это зрелище, оно было «ритуальным и сатанинским». И в самом деле, сцена прямиком из ада. Арлис лежала на спине, ее тело частично скрывалось под последней скамьей в левой нише, неподалеку от того места, где ее в последний раз видели молящейся. Прямо над ней располагался образ, помещенный на церковную стену много лет назад. Резьба в форме креста. Предельно ясная символика.

Голова Арлис была обращена к главному алтарю. Ноги широко раздвинуты, а тело обнажено ниже талии. Штанины ее джинсов лежали так, что, если смотреть сверху, образовывали с ногами Арлис ромб.

Блузка молодой женщины была разорвана, а руки скрещены на груди. Между ее грудей аккуратно поместили алтарную свечу. Продолжая осквернение, другую свечу, длиной тридцать дюймов⁸, ей вставили во влагалище. И это было еще не все: ее также избивали и душили.

Однако ничто из этих действий не стало причиной смерти. Арлис Перри умерла оттого, что ей в череп за левым ухом воткнули нож для колки льда – его рукоятка гротескно торчала из головы.

Ни одна из этих деталей не станет достоянием общественности.

⁸ Около 76 см.

* * *

До тошноты впечатленный ужасным зрелищем, Кроуфорд выбежал из пустой церкви и вызвал начальство. Кто-то из его боссов, в свою очередь, немедленно позвонил в департамент шерифа округа Санта-Клара, в юрисдикцию которого входил кампус Стэнфорда.

На место событий незамедлительно прибыли шесть детективов и несколько офицеров полиции. Помощник шерифа Том Роза, осмотрев тело, поспешил заявить, что убийство является делом рук сексуального психопата. Пока часть законников охраняла церковь, другие детективы отправились в квартиру Перри, весьма предсказуемо сочтя Брюса возможным подозреваемым.

Стоило ему открыть дверь, как его чуть не арестовали на месте. И тому имелись основания. Брюс Перри был весь в крови.

Охваченному ужасом молодому спортсмену сообщили о смерти жены и начали задавать вопросы о событиях прошлой ночи. Давясь слезами от шока, Брюс попытался убедить детективов, что кровь на рубашке является его собственной. Он объяснил, что при сильном волнении у него часто случаются носовые кровотечения, и тревога за Арлис спровоцировала очередной такой приступ. Он умолял полицию поверить ему, но та отнеслась к его словам, мягко говоря, скептически.

Однако проверка на детекторе лжи и сравнение групп крови вскоре подтвердят его правоту: это действительно была его собственная кровь. Или, по крайней мере, это точно не была кровь Арлис.

Большинство деталей преступления, включая точное расположение фатального ранения и сведения о найденном оружии убийства, сохраняют в тайне. Полиция, как правило, скрывает часть относящейся к делу информации, чтобы иметь возможность отделить правду от вымысла при установлении личности подозреваемого или на тот случай, если объявится очередной псих, решивший взять на себя чужую вину. В данном случае подробности не раскрывались также в связи с омерзительным насилием над жертвой.

Прошла уже пара часов после рассвета, и воскресное утро расцвело, став ярким и солнечным. Воздух был чист, небо безоблачно, однако ночь не до конца ослабила хватку. Нанесенный силами тьмы урон стал очевиден, едва по Стэнфорду распространилась весть о том, что в церкви, пока весь кампус спал, произошло нечто ужасное.

Через несколько часов должна была начаться воскресная служба. Но только не в это воскресенье и не в этой церкви. Полиция и коронеры опечатали часовню и приступили к поискам хоть чего-то – чего угодно, – что могло бы привести их к убийце. Дьявол объявил своим сей день Господен⁹.

В девять утра к зданию пришли трое из пятидесяти хористов, чтобы подготовить все, что могло понадобиться им во время богослужения. Их не пускали внутрь до 10:15, пока коронеры не вывезли тело Арлис.

Собравшиеся на службу к одиннадцати утра верующие смешивались с растущей толпой журналистов, полицейских и шокированных, любопытствующих студентов. Голоса звучали приглушенно; временами потрескивала полицейская рация. Настоятель церкви, преподобный Роберт Хаммертон-Келли лично видел тело Арлис, и это зрелище его потрясло. Преисполненный решимости, он провел службу прямо под открытым небом, позади церкви, и рассказал прихожанам об убийстве, заявив, что не стал отменять проповедь, ибо «не собирается позволить злу восторжествовать».

⁹ Отсылка к христианской традиции по воскресеньям ходить в церковь.

В 16:30 того же дня внеконфессиональная церковь вернулась под сень Господню, когда отцы Джон Дуреай и Роберт Джигер провели в ней католическую мессу, начавшуюся со специально написанного благословения, призванного очистить Стэнфордскую мемориальную от сил зла.

* * *

Департамент шерифа Санта-Клары вел борьбу с силами зла по-своему – главным образом потому, что не замечал их существования. С самого начала вышестоящие офицеры департамента избрали объектом охоты местного сексуального психопата. Подобная предвзятость суждений характерна не только для округа Санта-Клара, однако в случае с Перри это лишило полицию реального шанса найти убийцу или убийц.

Главными подозреваемыми в деле, конечно, оказались Брюс Перри и охранник Стив Кроуфорд. За ними шел «неизвестный сексуальный психопат», который, скорее всего, был тем светловолосым молодым человеком, которого видели входящим в церковь в полночь.

Существование этого мужчины скрыли от общественности вместе с другими деталями, способными ослабить теорию преступления на почве секса. Тот факт, что убийство произошло в церкви, мало что значил для полиции, не верившей в символику – даже с учетом того, что Арлис была активной и убежденной христианкой.

В тайне сохранили и то, что криминалистам ФБР в Вашингтоне удалось снять идеальный отпечаток ладони со свечи, обнаруженной во влагалище Арлис. Это открытие исключило Кроуфорда и Брюса Перри из числа подозреваемых и в конечном итоге вдохновило полицию снять отпечатки пальцев более чем у сотни других людей, начиная со студентов и сотрудников университета и заканчивая местными сексуальными извращенцами.

И все же самые важные улики так и не были обнаружены.

* * *

Во вторник, 15 октября, в Стэнфордской церкви состоялась поминальная служба по Арлис Перри. Брюс, у которого мурашки бежали по коже от одной лишь мысли показаться на людях после убийства жены, тем не менее взял себя в руки и тоже присутствовал. Сидя в первом ряду рядом с отцом и дядей, прилетевшими из Бисмарка, Брюс вместе со ста пятьюдесятью другими скорбящими слушал, как преподобный Хаммертон-Келли восхваляет Арлис как «добрую христианку, зарезанную во время молитвы».

Звонким голосом, возносившимся с кафедры под самый золотой купол, Келли заявил, что Христос «тоже погиб от рук испорченных, жестоких людей. Он был жертвой. И Арлис в смерти своей подобна Господу. Ныне она обретается с Христом под сенью Господней».

«Насилие, – подчеркнул Келли, понизив голос, – добралось до самого алтаря Божьего».

Затем присутствовавшие спели несколько церковных гимнов. Некоторые плакали в открытую, другие вытирали глаза носовыми платками, многие едва сдерживались. В церкви было множество однокурсников и друзей Брюса. Арлис провела здесь слишком мало времени, чтобы успеть завести собственных друзей – или врагов.

Пока скорбящая толпа ждала, когда Брюс, его отец и дядя выйдут из церкви после службы, один из немногочисленных знакомых, которые появились у Арлис за шесть недель ее калифорнийской жизни, поражался увиденному. Марк Коннорс¹⁰ смотрел на Брюса и видел: что-то не так.

¹⁰ Все названные в тексте люди реальны. Изменены только имена некоторых конфиденциальных свидетелей и живых подозреваемых, они будут отмечены звездочкой (*прим. авт.*).

Брюс Перри был не тем, кем должен был быть.

* * *

Марк Коннорс работал в Пало-Альто, в той самой юридической фирме «Спэт, Блейз, Валентайн и Клайн», куда Арлис устроилась за две недели до смерти. В церкви Коннорс напряженно всматривался в Брюса. Затем он подошел к нему на улице, чтобы выразить соболезнования, и окончательно убедился, что Брюс Перри был вовсе не тем человеком, которого он считал Брюсом Перри.

Связавшись с офисом шерифа, чтобы поведать историю, которая должна была перевернуть расследование, хотя в результате ничего подобного не произошло, Коннорс рассказал о драматическом событии, случившемся днем в пятницу, 11 октября – за день до смерти Арлис.

В районе полудня Арлис сидела за своим столом в приемной, когда туда зашел посетитель. Коннорс решил, что это был Брюс Перри, потому что Арлис буквально на днях устроилась в фирму и не так давно переехала в Калифорнию. Кто еще мог знать, где она работает?

Коннорс видел, как Арлис и молодой человек на протяжении пятнадцати минут вели разговор, который он описал как «серьезный и напряженный». Он предположил, что Арлис, возможно, разозлилась на Брюса за то, что он пришел в офис так скоро после того, как ее туда взяли. Тем не менее Брюс показался ему симпатичным юношей, чей возраст едва перевалил за двадцать. На нем были джинсы и клетчатая рубашка, он был крепким, широкоплечим и атлетически сложенным. Его рост составлял около пяти футов десяти дюймов¹¹, а вьющиеся светлые волосы были обычной длины, не то что у этих хиппи.

Коннорс удивился, что, даже когда их разговор закончился, Арлис не представила его Брюсу. Впрочем, он подумал, что, если их беседа была настолько важна, как ему показалось, Арлис могла счесть время и место не подходящими для светских любезностей.

После того как молодой человек ушел, Арлис вернулась к своим обязанностям. О посетителе она ничего не сказала ни Коннорсу, ни кому-либо еще, в результате чего у свидетеля осталось впечатление, что муж юной новобрачной зашел без предупреждения, чтобы уладить неотложное дело. До поминальной службы Коннорс верил, что видел именно Брюса Перри, но теперь он заявил, что это точно был не он.

Детективы записали полученную информацию и спросили Брюса, приходил ли он в юридическую фирму. Тот отрицал визит и также сообщил следователям, что Арлис просила его не звонить и не навещать ее, пока она не обвыкнется на работе.

Полиция попыталась выяснить, не упоминала ли Арлис о человеке, посетившем ее за день до смерти. Брюс ответил, что она ничего такого не говорила, и добавил, что Арлис запросто могла что-нибудь от него скрыть, если бы думала, что информация его расстроит. (Друзья Арлис в Северной Дакоте позднее скажут то же самое. Пять лет спустя.)

Тогда, продолжили детективы, возможно, этот человек кого-то вам напоминает? Брюс Перри покачал головой. Нет, никого.

Полиции было известно то, чего не знал Брюс, но они намеренно проигнорировали этот факт, сосредоточившись на поисках неизвестного сексуального извращенца: описание посетителя Арлис напоминало человека, которого видели входящим в церковь следующей ночью. Удивительно, но слуги закона даже не поручили полицейскому художнику нарисовать изображения этих двух мужчин для их сравнения или установления их личности.

Невысказанными остались все вопросы, которые следовало бы задать. Кто был этот человек в юридической фирме? Кто знал о том, что Арлис находится в Калифорнии? Кому было известно, где она работает? Мог ли убийца приехать из *Бисмарка*? Возможно ли, что убийство

¹¹ Примерно 178 см.

все-таки не было делом рук местного психопата? Могла ли Арлис знать своего убийцу? Вероятно ли, что некий парень из Бисмарка не был знаком с Брюсом, но от других людей в Северной Дакоте узнал, где находится Арлис? Знал ли он ее семью или семью Брюса – тех немногих, кому было известно, что Арлис недавно нашла работу? Или, может, он просто знал, что она находится в Стэнфорде, и следовал за ней повсюду, пока не выяснил, где она работает, а затем заглянул к ней? И *почему* он объявился всего за день до ее смерти?

Догадывалась ли Арлис, что Брюсу не понравилось бы то, кем был этот человек, и не могла ли она договориться тайно встретиться с ним в церкви, используя письма и ссору как повод убрать Брюса с дороги? Или она велела этому парню уйти, когда он пришел к ней в офис, но он следил за ней следующей ночью, увидел их с Брюсом ссору и воспользовался шансом убить Арлис? Если да, то *почему*?

Нет никаких сомнений в том, что у виновного на уме было убийство. Преступник принес в церковь нож для колки льда. Вряд ли такая вещь может ненароком подвернуться под руку. Так было ли произошедшее случайным преступлением на почве секса или преднамеренным убийством?

Однако подобные вопросы никем не задавались или, по крайней мере, всерьез не рассматривались.

* * *

Пока полиция в Калифорнии ловила своего Джека-потрошителя, Арлис Перри отправилась обратно в Северную Дакоту.

Из Бисмарка она уехала в автомобиле Брюса. Домой она вернулась в деревянном ящике.

Бисмаркская реформатская церковь, где пара всего двумя месяцами ранее сыграла свадьбу, в пятницу, 18 октября, стала местом панихиды. Под унылый звон колоколов в церковь стянулись около трехсот друзей, родственников, бывших одноклассников и праздных зевак. Почти все, кто на свадьбе желал Арлис долгой и счастливой жизни, теперь собрались вновь, чтобы проводить ее в могилу. Возможно, среди них был и некто, причастный к убийству.

Для тех, кто хорошо знал Арлис, церемония стала настоящим потрясением. День свадьбы был еще слишком свеж в их памяти, не успел превратиться в давнее воспоминание. Большинство пока даже не видели свадебных фотографий. Для родителей Арлис, ее сестры Карен и брата Ларри произошедшее и вовсе стало ударом, в который сложно поверить. Брюс Перри оказался на второй за три дня поминальной службе по жене. За восемь недель он словно прожил целую жизнь.

Опустив голову на грудь, Брюс слушал, как в надгробной речи Арлис описывают как праведную христианку, посвятившую жизнь Богу и своим ближним. Преподобный Дон ДеКок произносил ее собственные слова, ныне казавшиеся такими далекими, и зачитывал строки, подчеркнутые Арлис в ее Библии, вместе с пометками на полях вроде «очень мило».

Пока ДеКок рассказывал об Арлис, ее подруга Дженни закрыла глаза и мысленно перенеслась в тот прекрасный день среди калифорнийских лугов и холмов, откуда Арлис прислала ей письмо, датированное 6 октября, последним воскресеньем перед смертью: «Мы на пикнике. Тут около 90 градусов¹², и мы зажигаем в холмах. Брюс занимается, а я пишу письма». Ниже Арлис, по злой иронии судьбы, добавила: «Утром ходили в Стэнфордскую церковь. Напомни мне как-нибудь рассказать тебе о ней. Выступать позвали Малкольма Бойда, возможно, ты о нем слышала. Он автор книги „Ты со мной, Иисус?“ Не читала ее раньше, но теперь обязательно прочитаю».

«Нет, Арлис, – удрученно подумала Дженни. – Теперь уж не доведется».

¹² В США температуру измеряют по шкале Фаренгейта. Здесь – примерно +32° по Цельсию.

ДеКок с амвона обратился к моментам, когда Арлис говорила о том, что значит для нее Христос. Пастор вспомнил, что раньше она считала Бога судьей, который восседает на огромной кафедре¹³ и обвиняюще тычет в нее пальцем, стоит ей поступить неправильно. Арлис не верила, что может действительно что-то значить для «такого большого Бога». «Но когда я поняла, что он и в самом деле заботится обо мне, – сказала она, – вокруг словно хор ангелов запел».

Однако песнь самой Арлис теперь умолкла навсегда.

* * *

По мере осознания случившегося горе уступало место гневу, и люди по всему Бисмарку начинали задаваться вопросом о причинах произошедшего. Убийство угрожало привычной жизни Бисмарка. Убийствам место в больших городах, а не на их территории. Говорили, что в Нью-Йорке за неделю убивают больше людей, чем в Бисмарке за год. Эти слова были правдивы, однако не могли унять боль.

Конечно, Калифорнию обвинили в том, что она породила мразь, жестоко расправившись с невинной девушкой – и к тому же прямо в церкви. Двойное надругательство. Все так. Но как бы справедливы ни были намеки на давно известные грехи Калифорнии, в этом случае они, скорее всего, не были оправданы. Семья жертвы ничего не знала, как и пресса, и общественность. Разобраться во всем могли лишь детективы Санта-Клары, однако они, имея перед глазами необходимую информацию, оказались слепы. Они играли по своим правилам, работали по собственным лекалам – непоколебимо верили, что убийца живет по соседству.

Однако кое-какие знаки указывали на иное. Буквы, складывающиеся в слово «Бисмарк», пусть и не вполне четкие, уже замаячили на горизонте.

Первым знаком, вне всяких сомнений, был загадочный эпизод с посетителем Арлис, объявившимся в ее калифорнийской жизни всего за тридцать шесть часов до финала. Полиция сочла, что он, возможно, был обычным курьером или потенциальным клиентом юридической фирмы, но в это трудно поверить сразу по нескольким причинам. Вот главная из них: напряженный пятнадцатиминутный разговор подтверждает, что Арлис либо знала этого молодого человека, либо он передал ей сообщение от кого-то знакомого.

Где жили знакомые Арлис? В Северной Дакоте, а не на Западном побережье. И если у убийства действительно имелся мотив, то он должен был скрываться в Бисмарке, а не в Пало-Альто. Однако следователи не установили этой связи.

Спустя две недели, к Хэллоуину, они так и не сдвинулись с места, и тут произошел еще один подозрительный инцидент, причем как раз в Бисмарке.

На могиле Арлис.

Во время похорон туда до установки надгробного камня, на изготовление которого требовалось время, поместили временную табличку. Теперь ее украли. Бессистемный вандализм исключался, поскольку другие таблички остались нетронутыми. Кроме той, что была на могиле Арлис.

Извращенный сувенир? Наверняка. Детективы Санта-Клары уже знали о двух других «сувенирах», связанных с этим делом, – личных вещах Арлис, унесенных с места преступления убийцей или убийцами. Это были трофеи. Памятные вещицы. Доказательство того, что работа выполнена тем, кому она поручена.

Общественность не знала об этом, так же как не знала о посетителе юридической фирмы или человеке в церкви. Но полицейские знали. И, несмотря на это, никак не отреагировали

¹³ В католическом храме кафедрой называют почетное кресло в храме, предназначенное для епископа и обычно размещенное позади алтаря.

на новость о краже в Бисмарке. Не единственный случай, когда важная информация осталась без внимания. Был еще один эпизод, не менее зловещий, его даже начали изучать, пусть и без всякого энтузиазма, но потом отбросили.

Подробности рассказали родители Брюса Перри. Им довелось услышать историю, которая сильно их встревожила, и они задались вопросом, не связана ли она с убийством.

Если верить слухам, бродившим по улицам Бисмарка, Арлис и ее подруга, имени которой Перри не знали, однажды отправились в расположенный через реку от Бисмарка Мандан, чтобы попытаться обратить в христианство членов какого-то сатанинского культа. Очень в духе Арлис.

Неизвестная девушка, как полагали Перри, вероятно, была членом студенческой религиозной организации «Юная жизнь». Произошло все, похоже, в тот год, когда Брюс уже учился в Стэнфорде, а Арлис оставалась в Бисмарке. Да, согласились Перри, это может быть всего лишь слухом. Однако в свете гибели Арлис в церкви и кражи таблички с бисмаркского кладбища они решили, что полиции Калифорнии следует узнать о произошедшем.

Детективы Санта-Клары находились в тысяче семистах милях от Бисмарка, и им не хватало людей и бюджета на то, чтобы всерьез вести расследование еще и в Северной Дакоте. Кроме того, они по-прежнему верили в теорию местного сексуального психопата. Поэтому, воспользовавшись помощью бисмаркских властей, они провели лишь поверхностную проверку новых сведений. Нескольким членам «Юной жизни» задали вопросы по поводу этого эпизода. Любопытно, что люди действительно *слышали* о нем, но никто, кажется, в точности не знал, когда это произошло и как звали девушку, якобы сопровождавшую Арлис в тот день.

В итоге теория заглохла, как и изучение других деталей, которые могли бы оказаться чрезвычайно важными для расследования, но так и остались без внимания на многие годы.

Время шло, и, за исключением периодических «юбилейных» всплесков интереса к этой истории, имя Арлис исчезло из калифорнийских новостей. В департаменте шерифа ее дело постепенно перешло в разряд «висяков». Детективу-сержанту Кену Кану и его напарнику Тому Беку, которые изначально не принимали участия в расследовании, поручили искать зацепки и проверять новую информацию по делу, когда и если она появится.

Примерно раз в полгода родители Арлис звонили в офис шерифа, чтобы узнать, нет ли новостей по делу. Брюс Перри, в итоге с успехом окончивший Стэнфорд и ставший врачом, делал то же самое. Однако ответ Кана и Бека оставался неизменно отрицательным. Тогда сообщать было не о чем.

Пройдет еще несколько лет, прежде чем в деле появится пугающая рукописная заметка, нацарапанная на странице книги о сатанизме и пришедшая из-за стен неприступной нью-йоркской тюрьмы: «арлис перри: выследили, преследовали и убили. поехали за ней в калифорнию».

Но пока эти тревожные дни еще не наступили.

По состоянию на лето 1977 года убийство юной новобрачной-христианки оставалось нераскрытым.

Глава 2

Августовская пушка¹⁴

Очень медленно, по всей науке, он подкрался ближе. Тихо, стараясь не издать ни звука. Он знал, насколько важна осторожность. Его добыча неуловима и легко пугается. Сегодня он и так упустил немало возможностей. Но не сейчас. Этого точно можно поймать. Давай!

Он бросил сеть, и голубой краб с легкостью ускользнул.

– Сукин сын, – пробормотал Джордж Остин. Он снова поднял сеть и в отчаянии швырнул ее в воду.

– Эти штуки предназначены для рыбы, а не для крабов! Разве ты не знал?

Стоя позади Джорджа, ближе к берегу, я рассмеялся.

– Не видать тебе «Золотой перчатки»¹⁵! – крикнул я. – Разве что с моллюсками. Они не такие быстрые.

Тридцатидесятилетний Остин, страховый брокер с каштановыми волосами, с которым мы дружили последние пять лет, обернулся, проворчал какую-то гадость о моем происхождении и двинулся дальше от Дэвис-Парка, что на Огненном острове, по направлению к Большому Южному заливу. Я решил присоединиться к нему и вскоре понял, что в добыче ужина из морепродуктов мне не везет в той же степени.

Если лето 1977 года такое урожайное на крабов, где же тогда они, черт возьми, были? Теплая вода залива блестела в лучах заходящего солнца, пока мы шли по ней с сетями в руках, исследуя мелководье в поисках медленно движущейся тени, намекающей на приближение ужина.

– Я как штурман противолодочного судна, – пожаловался Джордж.

– Не, это совсем другое.

В те дни, когда я шестилетним ребенком во время каникул ежедневно ловил крабов в Рокуэй-Бич в начале пятидесятых, все было иначе. Тогда Рокуэй в глазах нью-йоркского Квинса еще мог тягаться с курортами Нью-Джерси. Чуть ли не все ирландцы Йонкерса снимали себе бунгало в Рокуэе. И крабы в то время в заливе Рокуэй прямо косяками плавали. Хотя, по правде, я не могу точно сказать, плавают ли они вообще.

Мой отец, дед и я стояли на пирсе и бросали в воду складные проволочные клетки, давая им упасть на дно и раскрыться. Потом оставалось только дожидаться, когда крабы заползут на проволоку и начнут щипать привязанную внутри рыбную приманку. Дергаешь за веревку, клетка закрывается, и – привет, ужин! С тех пор многое изменилось. Как и я сам.

Летом 1977-го мне был почти тридцать один год. Девять лет после колледжа я проработал в подразделении компании IBM в округе Вестчестер, расположенном в северном пригороде Нью-Йорка: писал и редактировал тексты для корпоративного журнала. Хорошая, достойная работа, за которую неплохо платили, однако я постоянно ощущал смутное беспокойство – как своенравный ветер, скользящий над землей в погоне за чем-то новым, чем-то большим.

Сколько себя помню, я вечно искал себя. Порой меня это беспокоило, поскольку я чувствовал, что должен стремиться к некоторому постоянству. Многие мои сверстники обзавелись стабильной должностью и семьей. Довольствовались офисной работой с девяти до пяти. Меня же такое не прельщало. Почему, я бы и сам не смог сказать. Но эта необычная черта характера

¹⁴ Название главы отсылает к книге Барбары Такман «Августовские пушки», описывающей предпосылки и развертывание конфликта в начале Первой мировой войны. В 1963 году она получила Пулитцеровскую премию как лучшее документальное прозаическое произведение, и ее называли «книгой, спасшей мир» (президент США Роберт Кеннеди ссылался на нее во время Кубинского кризиса 1962 года).

¹⁵ «Золотая перчатка» – награда, ежегодно присуждаемая игрокам Главной лиги бейсбола США, продемонстрировавшим лучшие индивидуальные выступления на разных позициях.

вскоре подарила мне самый странный, изматывающий и в то же время ценный опыт, что мне довелось когда-либо пережить. В кратчайшие сроки моя жизнь и карьера изменились навсегда.

В IBM я пришел после того, как завязал с газетами Вестчестера. Будучи игроком университетской бейсбольной команды с опытом игры в гольф, футбол и баскетбол, я еще во время учебы устроился на подработку в отдел спортивных репортажей. Работа разочаровала меня в апреле 1968 года, после убийства Мартина Лютера Кинга¹⁶.

Тем вечером я по заданию газеты «Дейли айтем» собирал материалы для статьи о баскетбольном турнире в Порт-Честере, штат Нью-Йорк, и внезапно обнаружил, что два квартала в центре города охвачены беспорядками. На улицах всюду бушевали пожары, бунтовщики и мародеры. Вынужденные уворачиваться от кирпичей, бутылок и мусора, летящих в них с крыш и из окон многоквартирных домов, полиция и пожарные казались беспомощными. Ту ночь я, едва достигший совершеннолетия, провел с ними на улице, после чего вернулся в редакцию, чтобы написать статью.

«Дейли айтем» тогда была небольшой вечерней газетой, и ночью офис почти всегда пустовал. Поэтому, войдя в полутемное здание, я сделал статью такой, какой я считал нужной.

Беспорядки причинили значительный материальный ущерб и повлекли примерно девятнадцать арестов, не считая пары десятков сопутствующих обвинений. Однако редакторы убили мою историю, переписав ее по-своему, после чего похоронили ее на десятой странице под эффектным, в их понимании, заголовком: «Спорадическое насилие обрушивается на город».

На следующий день я вместе со своей девушкой проехал двадцать миль до Йонкерса только для того, чтобы купить экземпляр газеты, которая не стала печатать мою историю. Потом я провел подругу по улицам, ставшим полем боя, чтобы доказать, что мне ничего не пришло в голову. Она была потрясена, и мы оба крепко усвоили урок. Я понял правила игры и потому с радостью принял предложение IBM. Позднее вестчестерские газеты перешли в собственность корпорации «Ганнетт», и стандарты журналистики там изменились к лучшему. Однако для меня этот поезд ушел. По крайней мере, я так думал.

В корпоративном мире мне удалось не просто выжить, но и преуспеть, и, оставаясь жертвой собственного стремления исследовать новые горизонты, все же оказываться в выигрыше. Параллельно я в качестве фрилансера подрабатывал в музыкальном и туристическом бизнесе, а также участвовал в одном разоблачительном телепроекте в области спорта, который почти – но не совсем – вышел в эфир.

У штатной должности были свои преимущества, например, оплачиваемый отпуск. Именно его я и использовал на Огненном острове в субботу, 30 июля 1977 года, когда наслаждался двумя последними из десяти ленивых дней, проведенных в пляжном домике друга.

* * *

– Есть что-то новое о Сэме? – спросил Джордж Остин, знавший о моем увлечении сенсационной серией убийств, парализовавшей Нью-Йорк.

Отличное начало разговора в любой компании. Я был далеко не единственным, кого захватила эта драма. За историей внимательно следили буквально все, включая Джорджа «Макклауда» Остина, прозванного так из-за сходства с телевизионным детективом в исполнении Денниса Уивера.

У меня не было каких-то особых сведений относительно этого дела. Тогда я еще не обзавелся связями ни среди журналистов, ни в братстве правоохранителей. Я был профаном, который просто читал газеты, смотрел телевизор и слушал радио в попытке узнать о Сыне Сэма как

¹⁶ *Мартин Лютер Кинг* (1929–1968) – американский баптистский проповедник и общественный деятель, выступавший за гражданские права чернокожих в США. Был застрелен в Мемфисе, после чего по стране прокатилась волна беспорядков.

можно больше. Как и тысячи других людей, я лишь хотел понять, кем – или чем – он являлся и где скрывался.

Это было невероятное время, ибо никогда прежде затянувшееся уголовное расследование не привлекало столько внимания и не захватывало мысли жителей целого столичного региона¹⁷ так, как убийства Сына Сэма гипнотизировали и пугали Нью-Йорк.

Бросив взгляд на запад через Большой Южный залив, в сторону далекого, невидимого отсюда города, Джордж продолжил:

– Солнце сядет через несколько часов. Прошлой ночью ничего не случилось, хотя многие ждали каких-то событий. Может, сегодня?..

– Понятия не имею. Будь у меня ответ, я бы сейчас не играл в «Морскую охоту». Но ты прав, почему бы не сегодня ночью? Может, вчера этот ублюдок подцепил простуду или струсил. А может, сдох. Или... Черт, не знаю. По правде, я не завидую копам. Дьявольски запутанное дело.

– Ага, – кивнул Джордж. – День годовщины прошел. Может, он и не рискнет объявиться сегодня ночью. Но он точно где-то там, на материке... До тех пор, пока не сядет на паром досюда, – сухо добавил он.

* * *

С Огненного острова казалось, что обуявший Нью-Йорк ужас находится от нас на гораздо большем расстоянии, чем длина паромной переправы. Город представлялся континентом, отделенным отсюда целой жизнью, а не какими-то сорока пятью или около того милями, которые в действительности пролегли между островом и отдаленными районами мегаполиса. На протяжении последних пяти месяцев, с марта, город знал, что по его улицам свободно разгуливает психопат, который стреляет в юных девушек и парочки, обжимающиеся в автомобилях, припаркованных в уединенных местах или возле дискотек, а также в тех, кто стоит на крыльце или гуляет по ночным улицам. Число жертв уже достигло одиннадцати: пятеро убитых, шестеро раненых.

С 29 июля 1976 года, момента первого появления Сына Сэма, или Убийцы с 44-м калибром, прошли уже год и один день. Однако Департаменту полиции Нью-Йорка потребовалось более семи месяцев и пять нападения, чтобы понять, что эти случаи стрельбы связаны. По мере роста интереса к делу усиливался и страх. Газеты, особенно таблоиды вроде «Ньюс» и «Пост», всячески раздували эту историю, а в годовщину первого нападения и вовсе превзошли самих себя.

Годовщина была вчера, и убийца не объявился, хотя и намекал на подобную возможность в жутком послании, отправленном в июне колумнисту «Дейли ньюс» Джимми Бреслину. «Что ждет тебя двадцать девятого июля?» – с издевкой спрашивалось в письме.

Готовившийся к переизбранию мэра Нью-Йорка Абрахам Бим точно знал, что ждет лично его – величайшая облава в истории города, планировавшая раскинуть сети по всему Квинсу и Бронксу, превратившимся в личные охотничьи угодья Сына Сэма. Хорошая задумка, но Бим решил объявить о ней публично, под бдительным оком телекамер, что, по мнению некоторых, должно было бросить убийце вызов и побудить его нанести удар в эту ночь.

Если так, они просчитались: Сын Сэма на провокацию не повелся, и 29 июля прошло без происшествий.

Впрочем, одна спокойная ночь не ослабила призрак смерти, витавший над городом и на протяжении нескольких месяцев доводивший его чуть ли не до массовой истерии. Тысячи девушек с прежде длинными волосами по-прежнему предпочитали стричься коротко – потому

¹⁷ В данном случае имеется в виду столица штата.

что все жертвы были длинноволосыми. И раз уж волосы жертв были каштановыми, во всех магазинах от Флорал-Парка в Квинсе до Ван-Кортланд-Парка в Бронксе светлые парики шли нарасхват. Телевизионщики тем временем не переставали рыскать по салонам красоты в надежде заснять для вечернего выпуска новостей очередную стрижку или осветление волос.

Схожую бессовестность начали демонстрировать и рядовые граждане. Благодаря широкой огласке дела список подозреваемых в полиции Нью-Йорка раздулся до немыслимых семи тысяч имен. Среди них были парни, чьи брошенные подружки решили свести с ними счеты, и ростовщики, чьи клиенты надеялись на отсрочку выплаты долга, пока полиция разбирается с ложной наводкой. Другими подозреваемыми стали сыновья, которые, по мнению их пожилых вдовых матерей, вели себя ненормально. Попадались и реальные психи, чьи имена пересылались для проверки в другие отделы полиции, конечно, если у тамошних детективов дойдут до этого руки. Часто случалось, что не доходили.

В одном случае молодая женщина из Вестчестера сообщила властям, что уверена: убийцей является ее бывший муж. Цитата из официального отчета:

Она заявила, что незадолго до развода муж сказал ей, что одна из вещей, по которым он будет скучать, это ее длинные каштановые волосы. Она также сообщила, что ему нравились итальянки [большинство жертв на тот момент были итало-американками]. У него были проблемы с сексом, и он пытался втянуть ее в садомазохистские игры с веревками.

Кроме того, данный подозреваемый, у которого полиция даже брала образец почерка для сравнения с посланием Сына Сэма, написанным печатными буквами, шлялся по дискотекам и топлес-барам, носил парик, вырос в районе, где произошло два инцидента со стрельбой, владел оружием, «стрелял» пальцем в телевизор, когда думал, что рядом никого нет, испытывал сомнения в собственной сексуальной полноценности и внешне напоминал изображение Сына Сэма, сделанное полицейскими художниками. По крайней мере, так считала его бывшая жена.

В еще одном случае двое жителей Вестчестера решили, что знакомы с преступником, поэтому взяли на себя смелость притащить его к могиле отца, чтобы там добиться от него драматического признания. Когда он отказался признавать свою вину, они избили его бейсбольными битами, чтобы «вытянуть правду». «Убийца» серьезно пострадал, а двое борцов за справедливость отправились под арест.

Произошедшим список кладбищенских инцидентов не исчерпывался. Полиции также пришлось проверять сообщения о том, что какие-то мужчины танцуют на могилах жертв Убийцы с 44-м калибром – один на кладбище Бронкса, другой в Квинсе. В Бронксе после допроса сняли подозрения с работника кладбища. В Квинсе установить личность плясавшего не удалось.

* * *

Оперативная группа Департамента полиции, в которую входили многие лучшие детективы города, была вынуждена хотя бы поверхностно проверять каждую из этих версий, какой бы странной или маловероятной она ни казалась. Проблема состояла в том, что общее расследование в результате продвигалось плохо: все занимались лишь

бумагомарательством и погоней за призраками по всему столичному региону. Это деморализовывало и, как хорошо известно всем причастным, порождало путаницу в субординации и взаимодействии разных частей команды.

Детективам нередко доводилось узнавать новости о собственном расследовании из телевизора, потому что отдельные руководители опергруппы предпочитали делиться ключевыми подробностями со СМИ, только чтобы лишний раз засветиться на экране или печатной полосе.

Штаб-квартира расследования, размещавшаяся в 109-м участке в Квинсе, большую часть времени напоминала голливудскую декорацию с расставленными повсюду камерами и звуковым оборудованием.

Между собой члены опергруппы называли ее «Омега» – в насмешку над часами, что приходилось тратить на просмотр телевизора, чтобы узнать, что же у них происходит. Кое-кто из входивших в состав группы и вовсе был склонен отрицать любую ее эффективность. Тем не менее к концу июля в «Омегу» входило около трехсот копов, что превышало штатную численность большей части американских полицейских департаментов.

Все это время паника только нарастала. Полчища экстрасенсов рвались посетить места преступлений, чтобы потом выдать полученные мистическим образом описания убийцы и его автомобиля. Нумерологи, прорицатели, маги и домохозяйки из Квинса часами обрывали телефоны полиции, спеша поделиться собственными теориями о личности и мотивах убийцы.

Мотивы. Вот тут-то и подоспели психиатры. Казалось, что у каждого специалиста, чей номер есть в манхэттенских «Желтых страницах»¹⁸, имеется свое мнение по делу, основанное на тщательном изучении деталей убийств и текста письма Бреслину. Многие их выводы просочились в газеты. Один из самых растиражированных выглядел так:

Сын Сэма – одиночка. Он ненавидит женщин и убивает девушек с длинными каштановыми волосами, потому что похозя его отвергла. Его оружие 44-го калибра на самом деле для него суррогатный пенис, и когда он стреляет из своего пистолета, это для него все равно что секс. Он тихоня, которому легко слиться с толпой. Религиозен и попеременно считает себя то исполняющим Божью волю, то одержимым демонами. Учился в католической школе. Прозвание «Сын Сэма» отсылает к истории о Самсоне, чьи волосы отрезала женщина. Сына Сэма в каком-то смысле тоже оскотила женщина.

В спокойные дни между убийствами жаждущая новостей пресса уделяла немало внимания подобным местечковым выводам. Как-то раз в «Пост» даже появилась история о священнике, который самонадеянно полагал, что может предложить себя убийце в качестве заложника.

Кроме того, на протяжении всего лета средства массовой информации, казалось, пытались перещеголять друг друга в игре «Сдайся мне»: все заметные журналисты вроде Бреслина, Пита Хэмилла из «Ньюс», Стива Данливи из «Пост» и нескольких телезвезд обратились к Сыну Сэма с требованием сдаться – причем непременно им.

Даже «Таймс», эта аристократичная леди с 43-й улицы, снимала сливки с происходящего, уделяя неприлично много внимания убийце и расследованию. Должно быть, редакторов тяготила привычка придерживаться фактов вместо спекуляции на массовых убийствах. Поэтому к концу июня «Таймс», осознав, что с этим убийцей на фактах далеко не уедешь, сменила тактику и на равных включилась в конкурентную борьбу с «Ньюсуик», «Тайм» и прочими изданиями со всей страны, да и европейскими тоже.

Избежать участия в этой истерии было трудно, особенно когда группы инициативных граждан, информаци-

онные агентства и корпорации наперегонки начали предлагать вознаграждение в размере сорока тысяч долларов. Впрочем, паника по большей части выглядела чрезмерной. Шансы конкретного человека стать следующей жертвой были ничтожно малы. К тридцатому июля насчитывалось одиннадцать пострадавших. Из скольких миллионов? Тем не менее эта лотерея выглядела слишком уж мрачной.

¹⁸ Традиционное для США название телефонных справочников со сведениями о предприятиях и организациях, сгруппированными по названию предоставляемых услуг.

«Привет из сточных канав Нью-Йорка, полных собачьего дерьма, блевотины, прокисшего вина, мочи и крови», – написал Сэм Бреслину в начале июня. Затем словами, которые могли бы выйти из-под пера Эдгара По, он напомнил миру: «Я все еще здесь. Как дух, блуждающий в ночи. Мучимый жаждой, голодный, редко нуждающийся в отдыхе».

Письмо завораживало своей безупречной отвратительностью и яркими образами. Само дело тоже действовало гипнотически. Величайшая охота на человека в истории Нью-Йорка, смертельная игра между добычей и ее преследователями. Письмо Бреслину лишь подогрело этот интерес.

Обычно люди узнают о преступлении после того, как оно уже совершено. Но в случае с Сыном Сэма все было иначе. Жертвы оглядывались, еще до его нападения понимая, что он может оказаться позади них. У этого ужаса были имя и личность, он был чем-то вроде большой белой акулы, держащей в страхе все океанское побережье. Люди в Нью-Йорке активно участвовали в расследовании, потому что боялись. Так уж вышло, что все жертвы были юными белыми выходцами из среднего класса и католиками. Благодаря этому Сэм проник в спальни и кабаки нью-йоркского рабочего класса.

Дискотеки в Квинсе и Бронксе пустовали. Бизнес нес убытки. Улицы вымирали к полуночи.

К 30 июля 1977 года Нью-Йорк напоминал осажденный город.

Но что же привело к этому?

* * *

Согласно данным, известным общественности на тот момент, все началось тихой ночью в четверг, 29 июля 1976 года, когда Майкл и Роза Лория возвращались в свою просторную квартиру на четвертом этаже дома по адресу Буре-авеню, 2860, в районе Пелем-Бей, где проживали преимущественно итало-американцы. Был час ночи.

Майкл, сотрудник манхэттенской автобусной компании, и Роза, работавшая в администрации Нью-Йоркской больницы, также находившейся на Манхэттене, шли домой из ресторана «Шато Пелем», куда они ненадолго заглянули после поминок.

Когда они подходили к своему дому, то увидели стоявший у входа знакомый синеватый «олдсмобиль» 1975 года выпуска. Машина принадлежала девятнадцатилетней студентке медучилища Джоди Валенте, близкой подруге дочери Лория, восемнадцатилетней Донны. Занимавшая место водителя Джоди разговаривала с Донной, сидевшей рядом с ней на пассажирском сиденье. У Донны были темные волосы средней длины и светло-карие глаза. Привлекательная и пользовавшаяся вниманием девушка часто бегала на свидания. На тот момент она только что рассталась с парнем.

Подруги вернулись из дискотеки в Нью-Рошелле, расположенном у пролива Лонг-Айленд в юго-восточной части округа Вестчестер. Дискотека называлась «Персиковое дерево», и со временем она – как и весь Нью-Рошелл – займет видное место в истории Сына Сэма. Донна и Джоди, симпатичная девушка с каштановыми волосами до плеч, нередко проводили вечера среды на турнирах по триктраку¹⁹, организуемых «Персиковым деревом».

Чета Лория остановилась, чтобы поговорить с девушками, и Майк напомнил Донне, чтобы та не задерживалась, потому что утром ей нужно на работу. Во время разговора Майк поднял глаза и заметил небольшой желтый автомобиль, припаркованный во втором ряду на другой стороне улицы, примерно в двадцати ярдах²⁰ позади машины Джоди. За рулем в нем сидел мужчина, он был один.

¹⁹ Настольная игра, нечто среднее между нардами и шашками.

²⁰ 1 ярд приблизительно равен 1 метру (0,91 м).

Майк не знал, что его соседи уже видели похожий незнакомый автомобиль, проезжавший по району несколькими часами ранее – примерно в то время, когда Донна вышла из дома.

«Не сидите здесь слишком долго», – посоветовал Майк. Он с пониманием относился к приходам и уходам своих сыновей Луиса и Майкла, но о единственной дочери Донне волновался больше них.

Донна предложила компромисс: она останется с Джоди, пока отец поднимется наверх и приведет ее пуделя Бо. Потом они вместе выгуляют собаку. Майк Лория согласился. Они с Розой вошли в здание и поднялись на лифте на четвертый этаж. На улице Донна и Джоди продолжили беседу.

Много болевшая в детстве Донна с возрастом расцвела в пышущую здоровьем молодую женщину. Возможно, именно прошлое пробудило в ней интерес к медицине, так что теперь она работала техником²¹ в Службе скорой помощи Эмпайр-стейт на Манхэттене.

Будущая медсестра Джоди Валенте жила неподалеку от семьи Донны и дружила с ней. Квартира ее родителей находилась всего в трех кварталах отсюда, по адресу Хатчинсон-ривер-парквей, 1918.

* * *

В 1:10 Донна пожелала Джоди спокойной ночи и повернулась, чтобы открыть дверь автомобиля. Дернув ручку, она увидела парня, стоявшего на тротуаре примерно в восьми футах²² от нее, ближе к задней части машины. Донна сильно удивилась. «Что еще за...» – успела сказать она. И это были ее последние слова.

Мужчина достал из имевшегося у него при себе коричневого бумажного пакета пистолет, взял его обеими руками, слегка присел и трижды выстрелил в автомобиль. Донна подняла правую руку, когда пули прошли закрытое пассажирское окно. Одна из пуль вошла выше ее правого локтя, прошла вниз через предплечье, вышла под запястьем, вошла в спину и мгновенно убила ее. Донна вывалилась из машины и с тошнотворным стуком упала на тротуар.

Еще одна пуля, очевидно также предназначавшаяся Донне, попала в левое бедро Джоди Валенте. Третья ушла в никуда.

Покончив с делом, убийца развернулся и позорно удрал, свернув за угол на пересечении Буре-авеню и Мэйфлауэр-авеню.

Шум внизу привлек внимание Розы Лория, которая выглянула из окна своей кухни на четвертом этаже. Она услышала автомобильный гудок, а потом с удивлением увидела, как Джоди Валенте выползает из машины и начинает метаться взад-вперед посередине улицы, хромая и крича во весь голос. Только тогда Розу осенило: Джоди зовет на помощь.

Майк Лория услышал звуки выстрелов уже с лестничной площадки, куда он вышел с пуделем. Он выбежал на улицу к машине Джоди, и та крикнула ему: «Донна! Донна!» Майк опустил взгляд на тротуар и увидел застреленную дочь. В машине скорой помощи он держал ее за руку и умолял не умирать, хотя было слишком поздно.

Что касается Джоди, то ее душевные травмы оказались куда серьезнее, чем ранение бедра, почти не потребовавшее медицинского вмешательства. Приехавшая в больницу полиция застала девушку в истерике. Однако спустя некоторое время она смогла дать подробное описание стрелявшего:

²¹ В США должность техника скорой помощи относится к особому виду медперсонала. Не имея полноценного медицинского образования, техники получают сертификаты по результатам курсов продолжительностью в 120–300 часов, после чего имеют право использовать базовые навыки медицинского обследования и производить типичные процедуры, осуществляемые врачами неотложной помощи (например, наложение шин, остановка кровотечения, сердечно-легочная реанимация и т. п.).

²² Около 2,5 метров (1 фут примерно равен 0,3 м).

Белый мужчина, на вид 30 лет, рост – 5 футов 9 дюймов, вес – 160 фунтов²³. Вьющиеся темные волосы; длина до середины шеи. Чисто выбрит. Светлый цвет кожи. Одет в синюю в белую полоску рубашку поло. Темные брюки.

Так началось дело Сына Сэма, хотя тогда этого еще никто не знал.

* * *

В Нью-Йорке ежегодно совершается более полутора тысяч убийств, и бóльшая их часть неинтересна прессе по причине их бытового характера и личности жертв, среди которых немало бродяг, бомжей и представителей меньшинств. Однако убитая в автомобиле без всякой видимой причины белая девушка из семьи среднего класса оказалась достаточно уникальным случаем, чтобы заставить городские СМИ уделить ей несколько строк.

Тем не менее история смерти Донны стерлась из людской памяти уже через несколько дней.

В следующий раз имя Донны Лория вспомнят только спустя полгода, 1 февраля 1977-го.

Однако у полиции, ищущей убийцу, имя Донны оставалось на слуху все это время. Расследованием убийства занимался 8-й убойный сектор, в чью юрисдикцию входил район залива Пелем. В то время детективы по расследованию убийств относились к особой касте, элите нью-йоркской полиции. Город был разделен на специальные районы или «убойные сектора», и за каждым из них закреплялись детективы, ответственные за расследование убийств, произошедших на их территории.

Такие полицейские работали только над делами об убийствах. Другие детективы занимались всем подряд – грабежами, кражами со взломом, изнасилованиями, организованной преступностью и т. д. Подобная система обеспечивала эффективное разделение труда, столь важное для специализации в расследовании убийств. Сейчас от нее отказались.

В начале расследования дела Лория полиции было известно только две вещи. Первая: Джоди Валенте заявила, что не узнала убийцу; вторая: баллистическая экспертиза показала, что преступник стрелял из крупнокалиберного пистолета – револьвера «бульдог» 44-го калибра, который не слишком распространен в Нью-Йорке.

Это мощное пятизарядное огнестрельное оружие предназначено для единственной цели – убивать людей. Оно очень эффективно с близкого расстояния. Среди недостатков – сложность прицела из-за сильной отдачи и снижение точности выстрела на расстоянии свыше двадцати футов, после которых также заметно снижается скорость пули.

За неимением иного внятного мотива детективы поначалу полагали, что к убийству причастен кто-либо из бывших или нынешних приятелей Донны либо что она стала случайной жертвой разборок организованной преступности – спланированного удара, ошибочно нанесенного не по тому человеку. В последние несколько месяцев мафия в этом районе активизировалась, было даже несколько перестрелок. Полиция предположила, что какой-то наемный убийца, возможно, застрелил Донну, приняв ее за другую девушку. Раньше такое уже случалось.

Кое-кто из следователей заподозрил, что работающий в автобусной компании Майк Лория связан с организованной преступностью. Майк, мягко говоря, пришел в негодование.

Впрочем, ни об одной из этих теорий общественности не сообщили. Полиция скрыла присутствие на месте преступления желтого автомобиля и тот факт, что похожую машину видели там за несколько часов до стрельбы.

²³ Около 176 см; 72,5 кг.

После того как первые многообещающие зацепки ни к чему не привели, расследование застопорилось. По состоянию на 23 октября в деле Лория не намечалось никакого прогресса, так что папка с ним постепенно уступила место новым и перешла в разряд «висяков».

* * *

В 1:15 ночи в субботу 23 октября восемнадцатилетняя Розмари Кинан, чей отец служил детективом в Департаменте полиции Нью-Йорка, и двадцатилетний Карл Денаро, раньше работавший продавцом в универмаге, а теперь состоявший в охране «Ситибанка» на Манхэттене, вышли из бара «У Пека», расположенного в одном из районов Квинса, Флашинге, и, отъехав от него на полдюжины кварталов, припарковали темно-синий «фольксваген» Розмари в слабо освещенном месте неподалеку от пересечения 159-й улицы и 33-й авеню.

Денаро на днях записался на службу в ВВС США, но пока не успел привести свои великолепные каштановые волосы длиной до плеч в соответствие с тамошними правилами. На это у него оставалась еще неделя.

Кинан училась в Квинс-колледже и случайно познакомилась с Денаро всего за несколько часов до этого, в баре «У Пека», где парень обмывал последние дни на «гражданке». Она согласилась присоединиться к его компании, но позже они вместе сбежали от шумной толпы, чтобы провести несколько минут наедине до того, как у Розмари начнется «комендантский час».

Когда «фольксваген-жук» остановился в тихом, обсаженном деревьями квартале, Денаро занимал пассажирское сиденье. Заглушив двигатель, Розмари взглянула в зеркало заднего вида и заметила, как мимо промелькнула одинокая фигура любителя бега трусцой.

Безмятежность их уютного мирка продлилась всего пять минут – в 1:30 он взорвался вокруг них градом разбитых стекол.

С оглушительным дребезгом вылетели окна со стороны водителя и пассажира, и шокированная пара рефлекторно пригнулась. Также разбился спидометр, а его стрелка дернулась и застыла на отметке «30».

Причиной произошедшего стали крупнокалиберные пули, пронзившие переднее пассажирское окно. Следующие вошли в правый бок и крышу «фольксвагена»: это, по всей видимости, объяснялось тем, что стрелок не справился с отдачей оружия. Нападавший явно хуже обращался с пистолетом, чем в случае с Лорией.

Ни Розмари, ни Денаро в тот момент не поняли, что в них стреляют – даже когда Денаро почувствовал, как что-то с правой стороны обожгло ему затылок. Он инстинктивно потянулся к голове и нащупал пальцами теплую влагу, оказавшуюся его собственной кровью.

«Валим отсюда! Валим отсюда!» – закричал он.

Розмари быстро повернула ключ зажигания, врубил первую передачу, и «жук» рванул с места, дергаясь и сопротивляясь ведущей его девушке, которая, утратив самообладание, никак не могла справиться со сцеплением.

Дрожа и плача, она перевела взгляд на Карла и с ужасом увидела, что он весь в крови. Не в состоянии мыслить ясно, она, вместо того чтобы отправиться в больницу, пронеслась шесть кварталов до бара «У Пека», где пара, шатаясь, ввалилась внутрь. Денаро, так и не понявший, что в него стреляли, тут же отключился.

Следующие три недели он проведет в больнице Флашинга, а 20 января вернется туда еще на десять суток. В день, когда Джимми Картер будет принимать присягу президента Соединенных Штатов, врачи имплантируют в голову Денаро стальную пластину.

Розмари Кинан осталась невредимой. Из-за длинных волос нападавший, похоже, принял Денаро за женщину и выместил ярость на молодом человеке, а не на коротко стриженной студентке колледжа.

Не предпочитай Карл Денаро прическу в стиле хиппи, Розмари Кинан, возможно, не удалось бы покинуть место происшествия живой.

Детективы Квинса из 109-го участка, назначенные для расследования этого дела, получив отчет баллистической лаборатории полиции Нью-Йорка, узнали, что в Денаро стреляли из пистолета 44-го калибра. Однако сильная деформация пуль помешала специалистам установить конкретную марку или модель оружия.

Все баллистические экспертизы полиции Нью-Йорка проводились в одной и той же лаборатории на Манхэттене, независимо от того, где было совершено преступление – в Квинсе, Бруклине, Стейтен-Айленде или Бронксе. Информацию о пулях, собранных с места стрельбы в Денаро, аккуратно сложили в папку, хранившуюся в этой лаборатории. Улики, полученные с места убийства Лория в Бронксе, лежали там же, хотя и в другой папке.

Не добившись внятных ответов от экспертов по баллистике, следователи продолжили искать другие зацепки. Отец Розмари Рэдмонд Кинан, детектив второго класса с более чем двадцатилетним опытом службы, лично участвовал в расследовании. Однако свидетелей нападения найти не удалось, и ничто в прошлом Денаро или Розмари не указывало на возможные мотивы произошедшего. В итоге, как и в случае с делом Лория тремя месяцами ранее, расследование ни к чему не привело.

Не считая отсутствия очевидного мотива, полиция не заметила, насколько эти нападения схожи между собой – по молодым людям, сидящим в автомобилях ночью, открыли стрельбу без всякой видимой причины. Никто не обратил внимания, что в обоих инцидентах использовался какой-то тип револьвера 44-го калибра. Преступления, совершенные в боро²⁴, разделенных лишь короткими пролетами мостов Трогс-Нек и Уайтстоун, расследовались так, словно они имели место на расстоянии шести тысяч миль друг от друга.

О ранении Карла Денаро газеты писали лишь один день.

Следующее нападение в этой непрерывно растущей цепочке со временем превратилось в один из самых важных и показательных эпизодов саги о Сэме. А все потому, что, в отличие от случая Денаро, в деле присутствовали свидетели – целых трое. Двое из них увидят лицо стрелявшего с расстояния менее десяти футов. Он даже заговорит с ними, двумя выжившими девушками, которые потом подробно расскажут о случившемся и опишут стрелка – совершенно иначе, чем Джоди Валенте ранее описала человека, убившего Донну Лория.

* * *

Суббота, 27 ноября 1976 года, с самого начала выдалась беспокойной – ледяной ветер свистел по каньонам центрального Манхэттена, поднимая в ночной воздух обрывки бумаги, мусор и вчерашние передовицы.

На разных углах улиц в районе Бродвея самые выносливые торговцы, натянув на уши старые шерстяные шапки, жались к своим тележкам с жареными каштанами. Аромат тлеющих углей блуждал вдоль проездов, смешиваясь с мусором из сточной канавы, так и нороящим пробежаться вдоль тротуара и протиснуться в дверь.

Две подруги, едва выйдя из кинотеатра, съезились от внезапно подступившего холода и поспешили укрыться в тепле станции метро. Разрисованный граффити поезд, грохоча и раскачиваясь на своем пути под Ист-Ривер, вскоре привез их домой в Квинс.

Оказавшись в своем районе, они вышли из метро на пересечении 179-й улицы и Хиллсайд-авеню и сели в автобус, доставивший их на угол Хиллсайд и 262-й улицы, расположенный менее чем в квартале от дома Джоанн Ломино.

²⁴ Единицы административного деления города Нью-Йорка, к которым относятся Манхэттен, Бруклин, Квинс, Бронкс и Стейтен-Айленд.

Восемнадцатилетняя Джоанн прошлым летом окончила старшую школу Мартина Ван Бюрена и теперь пыталась устроиться секретарем. Подходящее место ей пока подыскать не удалось. Но поскольку она жила с родителями, особой спешки с этим не было, хотя ее семья и рассчитывала, что она найдет постоянную работу до начала нового года.

Ее шестнадцатилетняя спутница Донна ДеМази еще училась в Ван-Бюрене. Она была высокой, стройной и привлекательной девушкой, чьи длинные темные волосы резко контрастировали с прической Джоанн, носившей короткие светлые локоны.

Выйдя из автобуса, подруги неторопливо двинулись по 262-й улице, оживленно беседуя на ходу. Стояло одно из приятнейших времен года. Всего два дня назад семьи собирались на День благодарения, и теперь девушки предвкушали рождественские праздники.

Подойдя к дому Ломино – небольшому двухэтажному зданию, лужайку перед которым пересекала дорожка, ведущая к крошечному цементному крыльцу, – Джоанн и Донна поднялись на ступеньки и там продолжили разговор. Стоящий прямо напротив дома яркий уличный фонарь внушал спокойствие, хорошо освещая окрестности. Забыв о холоде, девушки поболтали еще несколько минут.

А потом они увидели его.

Донна заметила его чуть раньше. Но когда он ступил на траву и остановился всего в восьми футах от подруг, стоявшая спиной к мужчине Джоанн обернулась, чтобы тоже поглядеть на него.

Он был одет в нечто похожее на зеленое облегающее пальто длиной чуть выше колена, возможно, в армейскую куртку. Стройный – весом от ста пятидесяти до ста шестидесяти фунтов и ростом около пяти футов восьми дюймов²⁵. Прямые темно-русые волосы средней длины разделены пробором. У мужчины были темно-карие глаза и пронизывающий взгляд.

Девушки слегка насторожились, но незнакомец выглядел так, словно заблудился, а потому не напугал их. Подтверждая их догадку, мужчина высоким голосом произнес: «Не подскажите, как добраться...»

Он так и не закончил вопрос. Вместо этого он достал из пальто револьвер и открыл огонь. По-прежнему стоявшая спиной и повернувшая к стрелку лишь голову Джоанн дернулась вбок, когда первая пуля прошила ее спинной мозг и продолжила движение, пробив легкое.

Стоявшая на нижней ступеньке Донна попыталась отскочить с линии огня, но следующий выстрел попал в нее. Пуля большого калибра вошла в основание шеи и едва не задела позвоночник.

Девушки, как сломанные манекены, упали в кусты по разные стороны крыльца. Нападавший продолжал стрелять, пули вонзались в фасад дома и разбили окно гостиной.

Только когда у него закончились патроны, стрелок наконец помчался по 262-й улице в сторону 81-й авеню, где его и заметил привлеченный звуками выстрелов свидетель, увидевший убежавшего мужчину с пистолетом в левой руке.

* * *

После ранения Донна ДеМази провела почти три недели в Еврейской больнице Лонг-Айленда и потом еще несколько месяцев носила шейный бандаж. Джоанн Ломино повезло меньше. Ее пребывание в той же больнице продлилось три месяца, после чего понадобился еще двадцатидневный курс реабилитации в Институте Раска на Манхэттене. Она осталась парализованной и всю оставшуюся жизнь проведет в инвалидном кресле.

Нападение поручили расследовать детективам 105-го участка в Квинсе. И вновь специалисты по баллистике зашли в тупик, поскольку пули были слишком сильно деформированы.

²⁵ 68–72,6 кг; около 173 см.

Не считая вывода о том, что преступник стрелял из какой-то модели револьвера 44-го калибра, экспертиза оказалась бесполезной.

Как и в случаях с Донной Лория и Карлом Денаро, проверка биографии жертв не выявила явных мотивов для нападения. Тем не менее, никто не связал эти три инцидента. Ни до, ни после Рождества ни в одном из дел не наметилось существенного прогресса.

Полиция подготовила три портрета предполагаемого преступника: один со слов Джоди Валенте, описавшей убийцу Лория, другой – как результат совместных усилий Джоанн Ломино и Донны ДеМази и третий – по описанию свидетеля, видевшего бегство нападавшего с места стрельбы.

Изображения, полученные в Квинсе, в результате оказались очень похожими и различались только расположением пробора в длинных прямых русых волосах нападавшего. Девушки помнили, что он находился слева, свидетель настаивал, что справа. Никто не сомневался, что пробор в принципе был.

В то же время этот портрет не имел никакого сходства с тем, что фигурировал в деле Донны Лория – там волосы преступника были темными и сильно вились. Тот стрелок был моложе и тяжелее напавшего на Ломино и ДеМази, а форма его носа, глаз и рта была совершенно иной.

От безымянной силы с 44-м калибром в руках вскоре пострадала еще одна жительница Квинса. И ей предстояло умереть.

* * *

Наступивший 1977 год был Годом кота, и привязчивый хит Эла Стюарта с аналогичным названием штурмовал верхние строчки чартов²⁶. Стояла середина зимы, и на улицах было по-настоящему холодно. К полуночи 29 января столбики термометров в Нью-Йорке опустились до отметки в четырнадцать градусов выше нуля²⁷. В трех тысячах миль к западу в эту субботу от выстрела в голову скончался комик Фредди Принц – это было самоубийство, названное «трагическим несчастным случаем».

Тем временем в Форест-Хиллз в Квинсе, прямо под боком у Теннисного клуба Вестсайда, который тогда служил местом проведения Открытого чемпионата США, двадцатипятилетняя секретарша Кристин Фройнд стала жертвой номер шесть. Несколько лет спустя события, связанные с убийством Кристин, станут ключевыми в деле поиска заговорщиков, помогавших Дэвиду Берковицу. Однако на тот момент основные факты выглядели следующим образом.

Уроженка Австрии Кристин Фройнд, миниатюрная красавица ростом пять футов два дюйма²⁸, носила длинные темно-каштановые волосы, свободно ниспадающие до середины спины. Ее родители Нандор и Ольга эмигрировали в Соединенные Штаты, когда Крис было пять лет, и поселились в оживленном районе Риджвуд в Квинсе. Вскоре после их приезда Ольга родила еще одну дочь, Еву. В семействе Фройнд, принадлежавшем к среднему классу, обе сестры были одинаково любимы и обе работали секретаршами на Манхэттене.

В 1972 году Крис устроилась в расположенную на Уолл-стрит фирму «Рэйнольдс секьюритис» и теперь трудилась в самом сердце финансового района, в офисе на Бродвее, 2. Некоторое время она параллельно училась в Леман-колледже в Бронксе. Однако по мере укрепления отношений со своим парнем Джоном Диэлом девушка пересмотрела собственные интересы.

²⁶ На самом деле Годом кота по восточному календарю был не 1977-й, а 1975 год, когда британский музыкант Эл Стюарт написал свою песню Year of the Cat.

²⁷ –10 °С.

²⁸ Около 158 см.

Тридцатилетний Диэл был страстным поклонником футбола и работал в местной забегаловке под названием «Риджвуд III». Их отношения с Крис пережили немало взлетов и падений, но через две недели, в День Святого Валентина, они планировали объявить о помолвке.

В тот холодный субботний вечер 29 января Диэл заехал за Кристин, жившей на Линден-стрит, на своем синем «пантиаке-фаербёрд», после чего они отправились в кинотеатр Форест-Хиллз, чтобы посмотреть прославивший Сильвестра Сталлоне фильм «Рокки». Крис ходила в театры уже второй день подряд.

Накануне вечером она вместе с двумя подругами задержалась на Манхэттене, чтобы посетить бродвейскую постановку «Годспелл»²⁹.

За двадцать четыре часа до встречи с дьяволом Кристин весело подпевала Иисусу, исполнявшему «День за днем».

* * *

Посмотрев «Рокки», Крис и Диэл добрались по заснеженным улицам до ресторана «Винная галерея» на соседней Остин-стрит. После легкого ужина и чашечки ирландского кофе закутанная пара направилась к машине Диэла, припаркованной в нескольких кварталах от станции Плаза, неподалеку от путей Лонг-айлендской железной дороги. Их следующей остановкой должно было стать заведение под названием «Масоник дэнс», где они познакомились семь лет назад.

На углу Остин-стрит и Континентал-авеню они прошли мимо одинокого автостопщика с оранжевым рюкзаком, и примерно в то же время случайные прохожие видели, как мужчина на маленькой зеленой иномарке высадил на вокзале пассажира с чемоданом.

Сев в машину, Диэл завел двигатель и, поскольку на улице было холодно, решил дать ему несколько минут прогреться. Он вставил в стереосистему кассету с последним альбомом группы *ABBA*, и автомобиль наполнился звуками песни *Dancing Queen*. Крис прижалась к Джону, тот обнял ее в ответ.

– Боже, ну и холод, – заметила она.

Пара разжала объятия, расселась по сиденьям и приготовилась уезжать.

В этот момент первая из трех пуль 44-го калибра пробила окно с пассажирской стороны.

– Крис! Крис! – закричал Диэл, потянув девушку вниз, пока машина содрогалась от следующих двух выстрелов.

Первая пуля прошла через плечо Кристин и вошла ей в спину, вторая промазала и пробила дыру в лобовом стекле со стороны водителя.

А потом все неожиданно закончилось. Дрожа от мучительного страха, Диэл не поднимал головы, пока не убедился, что нападение прекратилось. Дотянувшись до Крис, он прижал ее к себе, а когда убрал руки, то увидел, что они в крови.

– Крис, Крис! – снова закричал Диэл.

Он усадил невесту на сиденье и в отчаянии выскочил из машины, на бешеной скорости помчавшись на Континентал-авеню за помощью. Дико размахивая руками, Диэл бросился к паре, остановившейся на красный свет.

– Моя девушка ранена! Пожалуйста, помогите мне! – выпалил он.

Пара отвела его обратно к машине, но, когда Диэл наклонился, чтобы проверить состояние Крис, быстро ушла.

²⁹ Бродвейский мюзикл в жанре рок-оперы *Godspell* является одним из самых успешных в истории. В основе сюжета лежит современное прочтение текста Евангелия от Матфея.

Метавшийся по улицам взгляд Диэла заметил мужчину, входившего в мотель «Форест-Хиллз Инн». Джон начал выкрикивать странные слова: «Мистер! Мистер! Они застрелили ее! Они застрелили мою девушку!» Мужчина с интересом посмотрел на Диэла, но не остановился.

– Они застрелили мою девушку! – продолжал кричать Диэл, так что в итоге двое живущих поблизости людей все-таки услышали его и позвонили в полицию.

Однако на улице к Диэлу так никто и не подошел. Не дождавшись помощи, он вернулся в машину. Увидев, что Крис не шевелится, он вдавил педаль газа в пол, вылетел на перекресток Континентал и Бернс-авеню, где резко остановился, визжа тормозами и блокируя движение. Только тогда ему наконец помогли.

Однако для Кристин Фройнд было уже слишком поздно. Она умерла несколько часов спустя – в 4:10 утра в больнице Святого Иоанна. Стрельба произошла в 00:40 30 января 1977 года. Причиной смерти Кристин стало ранение в голову. Диэл чуть опоздал, когда заставил невесту пригнуться в попытке спасти ее от пули.

Грохот выстрелов достиг Департамента полиции. Баллистическая экспертиза не смогла связать пули, выпущенные в Кристин, с другими инцидентами. Но в деле в очередной раз констатировали присутствие оружия 44-го калибра, идентифицированного как «бульдог» производства компании «Чартер армс»³⁰. Не конкретный «бульдог», который исключал бы иные варианты, а просто «бульдог» 44-го калибра.

1 февраля Питер Бернштейн из «Дейли ньюс» написал:

Более 50 детективов изучают возможные связи между воскресным убийством Кристин Фройнд в Форест-Хиллз в Квинсе и тремя прошлогодними эпизодами – двумя в Квинсе и одним в Бронксе.

В ходе четырех инцидентов были убиты две молодые женщины и еще три ранены, одна из них серьезно.

«Мы склоняемся к тому, что все эти случаи могут быть связаны между собой», – заявил сержант Ричард Конлон из 15-го убойного сектора в Квинсе.

В каждом из случаев нападавший был один и действовал без всякого видимого мотива, выскакивая из ночной тьмы, чтобы застрелить своих ничего не подозревающих жертв.

К статье, где ошибочно указывалось, что Карл Денаро в результате нападения не пострадал, прилагались фото Крис и Диэла, карта Квинса с помеченными на ней местами стрельбы и наброски полицейских художников из дел Лория и Ломино-ДеМази.

Изображения преступника так сильно отличались друг от друга, что в подписи к ним подозреваемого упоминали во множественном числе: «Полицейские наброски подозреваемых в нападении на Ломино-ДеМази в Квинсе и в убийстве в Бронксе в июле прошлого года».

Самые важные слова в этой статье принадлежат сержанту Конлону, заявившему, что полиция только «склоняется», а не констатирует обнаруженную связь. Там ни в чем не были уверены. Обстоятельства нападений вынудили заподозрить, что за всеми ними стоит один пистолет – редкий для Нью-Йорка «бульдог» 44-го калибра, однако никаких доказательств этого вывода не было. И что еще более важно, конечно, отсутствовали доказательства того, что ответственность во всех случаях лежит на одном и том же человеке: сделанные полицейскими художниками портреты ясно указывали на обратное. Кроме того, для убийства Кристин Фройнд имелись *другие* возможные мотивы – власти еще долго будут о них умалчивать.

Впрочем, сделанные в феврале осторожные высказывания уже в марте окажутся сметены резким порывом ветра, уносящим в сточную канаву любую сдержанность.

³⁰ Американская модель огнестрельного оружия *Charter Arms Bulldog*, хотя и выпускается под торговым наименованием «бульдог», по своей конструкции не относится к традиционным револьверам типа «бульдог».

С момента, когда в дело вмешаются политики и большие начальники, все начнут говорить только об *одном* человеке и *одном* пистолете, наплевав на известные факты. Пресса и жители Нью-Йорка так и не узнают правды. Средства массовой информации и общественность окончательно поверят в то, что по ночным улицам бродит одинокий психопат.

Пришло время родиться Убийце с 44-м калибром.

Глава 3 «Стучите по гробам»

8 марта 1977 года. Вторник. Первое легкое дуновение весны подразнивало Нью-Йорк поднявшейся до шестидесяти градусов³¹ температурой, намекая на скорое окончание долгой унылой зимы, которая успела утомить февральскими метелями, навалившими глубокие сугробы по всему столичному региону. Зимой город, как никогда в другие времена года, напоминал древнее грузовое судно, застрявшее во льдах пустынной гавани – скрипящее, содрогающееся от ветра, ржавеющее и с нетерпением ждущее апрельской оттепели.

Район Форест-Хиллз выгодно отличался от своих менее спокойных соседей низким уровнем преступности, и его жители были полны решимости сохранить такое положение вещей. Тот факт, что полицейское расследование смерти Кристин, по всей видимости, зашло в тупик, пробудил в местных ощущение тревоги с горьким привкусом вынужденного внимания к мелочам.

Вернувшийся за стойку бара «Риджвуд III» Джон Диэл отлично понимал, что некоторые считают его виновным в убийстве подруги, и в этом он способен составить конкуренцию «неизвестному психопату». Как уже упоминалось ранее, в деле присутствовали и другие возможные подозреваемые. Однако все это не имело никакого значения.

* * *

В семь часов вечера 8 марта термометр по-прежнему показывал приятные пятьдесят два градуса³², когда восемнадцатилетняя Эми Джонсон* вышла из дома на Эксетер-стрит в Форест-Хиллз, чтобы совершить свою обычную вечернюю пробежку в компании с тринадцатилетним братом Тони*. Они стартовали менее чем в четырех кварталах от места убийства Кристин, двинулись на запад до 69-й авеню, затем повернули налево и бежали на юг до следующего перекрестка. Там, повернув на восток по Флит-стрит, Эми и Тони добрались до угла оживленной Континентал-авеню, где снова свернули налево, чтобы закруглить маршрут, который должен был привести их обратно к дому.

Пробегая по Континентал-авеню в районе пересечения с Дартмут-стрит, Эми неожиданно вспомнила нападение на Фройнд и невольно бросила взгляд в сторону станции Плаза, где пять недель назад произошло убийство. С той ночи она опасалась незнакомцев, поэтому сразу заметила молодого человека, стоявшего у небольшой игровой площадки на углу Континентал и Дартмут. Его глаза внимательно изучали приближающуюся Эми, как ей показалось, «самым жутким и угрожающим образом», отчего она встревожилась. Волнистые темные волосы мужчины были зачесаны назад, а руки он прятал в карманы бежевого плаща длиной чуть выше колен. Его рост составлял примерно шесть футов, а вес – около ста семидесяти пяти фунтов³³.

Эми не знала, что этот человек слонялся по окрестностям некоторое время до ее прихода. Всего несколько минут назад он напугал другую девушку, Пэг Бенсон*.

Теперь, когда он уставился на Эми, та вздрогнула и побежала энергичнее, торопясь обогнать его и свернуть на восток, на Дартмут-стрит. Сойдя с тротуара, она старалась держаться середины узкой дороги и жестом велела младшему брату сделать то же самое. Вдвоем они

³¹ +15 °С.

³² +11 °С.

³³ 183 см; 79,4 кг.

быстро двигались по Дартмут-стрит, вдоль которой тянулись украшенные лепниной здания и дома в тюдоровском стиле, тускло освещенные уличными фонарями начала века.

Добравшись до Теннис-плейс, Эми и Тони свернули налево рядом со стадионом и направились к родной Эксетер-стрит. До дома оставалось всего несколько минут.

Однако на углу Эксетер-стрит Эми, к своему удивлению, вновь заметила того же мужчину, который стоял на тротуаре впереди и снова пристально смотрел на нее. Как он здесь оказался? Она ведь все это время бежала, но он каким-то образом сумел обогнать ее. У него есть машина или его кто-то подвез?

Теперь уже основательно напуганные, Эми с братом побежали еще быстрее. Они пронесли мимо мужчины, не сделавшего в их сторону ни малейшего движения, и благополучно добрались до входной двери собственного дома. С трудом восстанавливая дыхание, Эми оглянулась и увидела, что незнакомец уходит – на восток по Эксетер-стрит в сторону Теннис-плейс и Дартмут-стрит. Было около 7:25 вечера.

* * *

Вирджиния Воскеричян с опозданием возвращалась домой из Колумбийского университета на Манхэттене. Когда она вышла из метро на Континентал-авеню, чтобы пешком преодолеть остаток пути до своего дома по адресу Эксетер-стрит, 69–11, была почти половина восьмого.

Пройдя на юг по Континентал до Дартмут-стрит, она свернула направо и зашагала на запад тем же маршрутом, по которому ее соседка Эми Джонсон бежала всего пятнадцать минут назад.

У девятнадцатилетней Вирджинии были длинные волнистые каштановые волосы. Симпатичная девушка,

она многим нравилась и в настоящее время встречалась с одним из своих университетских преподавателей, двадцатисемилетним ассистентом Владимиром Лунисом, читавшим курс русского языка.

Вирджиния родилась в Болгарии и в возрасте одиннадцати лет эмигрировала в Соединенные Штаты вместе с родителями, братом и сестрой. Благодаря острому уму она быстро освоила чужой язык, после чего смогла получить американское гражданство – 29 июля 1975 года, ровно за год до убийства Донны Лория в Бронксе.

После двух лет учебы в Квинс-колледже Вирджиния перевелась в Барнард-колледж Колумбийского университета, где с успехом, хотя и не на «отлично», изучала русский язык и планировала строить карьеру в области политологии. Направляясь домой, она несла в руках расписание и несколько учебников.

На подходе к дому № 4 по Дартмут-стрит Вирджиния заметила невысокого юношу в вязаной шапке и свитере, который шел ей навстречу.

Когда Вирджиния и молодой человек приблизились друг к другу на расстояние пяти футов, она сместилась вправо, чтобы дать незнакомцу пройти с левой стороны. А затем время остановилось.

Вирджиния вскрикнула, увидев пистолет, направленный ей в лицо. Она рефлекторно пригнулась и в отчаянии попыталась прикрыться учебниками.

Убийца выстрелил, пуля прошила книги насквозь и вошла в голову девушки с левой стороны верхней губы, выбила несколько зубов, пробила череп и застряла в основании шеи, раздробив один из позвонков.

Мгновенно убитая пулей 44-го калибра, Вирджиния боком завалилась в кусты живой изгороди.

Убийца же развернулся и побежал в том направлении, откуда пришел, – вниз по Дартмут-стрит. На углу Дартмут и Теннис-плейс стрелок пронесся мимо ошарашенного Эда Марлоу*, пятидесятидевятилетнего строительного инженера.

– О господи! – воскликнул убийца, пытаясь прикрыть шапкой свое юное лицо.

Однако Марлоу все же удалось его увидеть, хотя и мельком. На вид нападавшему было всего лет шестнадцать-восемнадцать. Коренастый, с чисто выбритым лицом, он был одет в лыжную куртку или свитер, на голове – полосатая вязаная шапка с отворотом, то ли коричневая, то ли синяя. Рост – около пяти футов семи дюймов³⁴.

* * *

А потом произошло главное. Кто-то в нью-йоркской полиции запаниковал, поддался на уговоры либо сознательно изменил точку зрения, чтобы подогнать факты. Как бы то ни было, результат предопределяет восприятие этого дела общественностью на многие годы вперед. Мы до сих пор не знаем, кто именно предложил такое решение, но известно, что впоследствии оно получило одобрение команды детективов в Квинсе, высших должностных лиц Департамента полиции Нью-Йорка, а также мэра города.

Во главе этой пирамиды стояли новый глава детективов Джон Кинан, комиссар полиции Майкл Кодд и мэр Абрахам Бим, обреченный вот-вот проиграть кампанию по переизбранию.

Ответы до сих пор скрыты где-то в глубинах этого союза, который позже привлечет на свою сторону также помощника инспектора Тимоти Дауда, называемого многими заскорузлым бюрократам. Именно эта группа, действуя на основе полученной от баллистических экспертов информации, породила Убийцу с 44-м калибром, впоследствии ставшего известным как Сын Сэма. Совместными усилиями они ввели в заблуждение прессу и население и посеяли панику, равной которой Нью-Йорк не видел никогда прежде.

Безусловно, для тревоги *имелось* реальное основание, потому что в Квинсе и Бронксе действительно орудовала некая неясная сила, расстреливающая молодых женщин. Однако отныне власти станут придавать слишком большое значение выводам баллистической экспертизы: теперь они будут раскручивать суждение о револьвере 44-го калибра, выдавая его за «факт».

В результате они *недооценили* угрозу. Отметая случаи стрельбы из иного оружия и их последствия, они искусственно сузили круг подозреваемых и жертв.

И у нас нет точного ответа на вопрос, почему так произошло.

Не вызывает сомнений лишь то, что в марте 1977 года Департамент полиции Нью-Йорка переживал серьезный морально-психологический кризис. Со времен коррупционных скандалов, инициированных комиссией Кнаппа в 1971 году,³⁵ до того момента, как Сын Сэма начал терроризировать город, численность детективного контингента полиции Нью-Йорка, некогда считавшегося элитнейшим подразделением, сократилась с 3000 до 1800 человек. В период с 1974-го по середину 1976 года ни один полицейский не получил назначения в детективы, а уже имевшие такой статус почти не продвигались по службе.

Ситуация объяснялась сокращением бюджета и изменениями процедуры назначения. Копившееся недовольство усиливалось и тем, что в попытке выбраться из долгового болота город уволил около 1700 полицейских.

³⁴ Примерно 170 см.

³⁵ Комиссия по расследованию коррупции в нью-йоркской полиции была сформирована в 1970 году по инициативе тогдашнего мэра города Джона В. Линдси и получила название по имени ее председателя Уитмана Кнаппа. Результатом ее работы стали громкие уголовные дела, масштабные реформы и упорядочение работы с информаторами, а Кнапп был назначен федеральным судьей одного из округов Нью-Йорка.

У полиции Нью-Йорка имелись все основания тревожиться об ухудшении собственной репутации и отсутствии поддержки со стороны общественности и властей. Департамент срочно нуждался в переливании крови. Пусть даже добытой выстрелом из крупнокалиберного пистолета.

* * *

9 марта, на следующий день после убийства Воскеричян, газеты и телевидение сообщили, что полиция разыскивает подозреваемого в совершении преступления – «пухлого подростка» в вязаной (возможно, лыжной) шапке. Приметы соответствовали показаниям свидетеля Эда Марлоу, который видел пробежавшего мимо человека, пытавшегося скрыть от него лицо. Жители района также заметили, как этот юноша шатался по улицам незадолго до убийства.

И хотя инцидент произошел всего в квартале от места убийства Фройнд, полиция сообщила газете «Нью-Йорк таймс», что «нет никаких доказательств» связи между этими двумя делами. Они сказали правду, но также едва ли не в последний раз адекватно высказались по существу «дела 44-го калибра».

Ничто из нижесказанного ранее не обнаружилось, но вот что тогда произошло.

Согласно отчету о вскрытии, в морге из тела Вирджинии Воскеричян извлекли «деформированную свинцовую пулю крупного калибра». Хотя она прошла сквозь книги и голову девушки и расплющилась, застряв в позвонках, баллистическая экспертиза все же смогла определить ее как выпущенную из револьвера «бульдог» 44-го калибра производства компании «Чартер армз» – снова то самое, редкое для Нью-Йорка оружие.

Теперь полиция могла доказать, что во всех нападениях использовался револьвер 44-го калибра и как минимум в двух или трех из них преступник стрелял из «бульдога», выпущенного «Чартер армз». Учитывая схожие обстоятельства нападений, у следователей также были законные основания полагать, что эти случаи связаны между собой.

Однако об одном пистолете и одном стрелке речи не шло.

Деформированное состояние пуль из дела Воскеричян и тех, что обнаружили во время предыдущих инцидентов, не позволяло установить, совпадают ли они полностью. Другими словами, у полиции отсутствовали неопровержимые доказательства того, что во всех случаях стреляли из одного и того же пистолета.

Что более важно, не было и оснований полагать, будто эти преступления совершил один и тот же человек, действовавший в одиночку. На самом деле у полицейских накопилось достаточно данных, указывавших на обратное. Портреты подозреваемых в делах Лория, Ломино – ДеМази и Воскеричян (в последнем случае разыскивать будут сразу двух разных людей) наглядно демонстрировали, что тут замешано по меньшей мере трое, а то и четверо лиц. И эту информацию следовало принять во внимание независимо от того, насколько похожее оружие использовал преступник.

Заявление полиции о баллистическом совпадении не считается безусловным доказательством и может быть оспорено во время судебного разбирательства. Понимая это, Департамент полиции Нью-Йорка рекомендует подтверждать соответствующие выводы мнением не одного, а двух разных экспертов. Доподлинно неизвестно, соблюдалась ли эта процедура в «деле 44-го калибра» и не подвергались ли давлению сотрудники баллистической лаборатории.

При всех ее заслугах, баллистику трудно назвать точной наукой, она скорее строит предположения, чем выдает четко установленные факты. Тем не менее выводы баллистической экспертизы многие считают столь же неоспоримым доказательством, как отпечатки пальцев. Это не так.

Дактилоскопия, использование которой давно превратилось в клише криминальных драм, в реальном расследовании нередко оказывается бесполезной. Чтобы компьютеры правоохранительных органов смогли идентифицировать неизвестного подозреваемого, преступнику надо оставить достаточное количество четких отпечатков. Одного, двух и даже трех будет мало. Дактилоскопическая экспертиза имеет смысл, когда у полиции уже есть конкретный подозреваемый, потому что тогда отпечатки пальцев этого человека можно сравнить с теми, что обнаружены на месте преступления. Если у вас есть подозреваемый – все отлично. В противном случае у вас проблемы, если только виновный не оставит после себя достаточное количество отпечатков, а в полицейском файле его данные не будут стоять на первом месте.

В некоторых юрисдикциях применяются новые технологии, позволяющие полиции работать с меньшим количеством образцов. Однако необходимое для этого оборудование имеется далеко не по всей стране.

Что касается баллистики, то в Нью-Йорке пулю, найденную на месте преступления либо извлеченную из тела жертвы в больнице или в морге, обычно отправляют в баллистическую лабораторию Департамента полиции Нью-Йорка. Основываясь на знании о том, что в мире не существует двух абсолютно идентичных стволов оружия, эксперты исследуют полученную пулю под микроскопом и сравнивают ее с «чистой» пулей, выпущенной в резервуар с водой из предполагаемого орудия стрельбы. В процессе выстрела при прохождении сквозь ствол пуля получает уникальные крохотные отметины, что позволяет сопоставить ее с конкретным оружием.

Как и в случае с отпечатками пальцев, экспертиза значительно упрощается, если у полиции имеется огнестрельное оружие, из которого можно получить «чистую» пулю для сравнения. Однако в «деле 44-го калибра» такого пистолета в распоряжении полиции не было. Он по-прежнему оставался в руках преступника. Любые исследования вынужденно ограничивались анализом пуль, изъятых с пяти мест стрельбы и из тел жертв.

Все эти пули были деформированы. Кое-какое сходство между ними действительно имелось, но таковое можно обнаружить при сопоставлении любых «бульдогов» 44-го калибра, произведенных на том же заводе компании «Чартер армз», скорее всего на том же оборудовании. Особенности объяснялись используемой технологией: при расточке стволов на длину в двадцать четыре дюйма в «Чартер армз» зажимали один конец будущей части оружия, оставляя свободным другой. В результате, когда фреза обрезала ствол до нужной длины, он слегка вибрировал, получая специфические микроповреждения, впоследствии отражающиеся на выпущенных из него пулях.

Однако эта черта свойственна любому револьверу «бульдог», а не одному конкретному «бульдогу».

Из семнадцати пуль, выпущенных в ходе нападений, на экспертизу отправили лишь те, что убили Донну Лория и Вирджинию Воскеричян. Остальные пятнадцать, по всей видимости, оказались бесполезны. Не будь это так, о совпадении могли бы сообщить гораздо раньше. И в свете того, что вот-вот собиралась заявить полиция, этот момент, касающийся дел Денаро, Ломино – ДеМази и Фройнд, не прошел бы незамеченным.

Годы спустя баллистический эксперт Департамента полиции Нью-Йорка Джордж Симмонс скажет: «Само оружие было в плохом состоянии, поэтому установить совпадение оказалось трудно».

Окружной прокурор Квинса Джон Сантуччи сформулирует мысль иначе: «Согласно отчетам, которые мы позже получили от полиции, пули были похожи, но не идентичны. Возможно, их выпустили из одного пистолета, а может, и нет. В качестве доказательства отчеты выглядели неубедительно».

* * *

10 марта, через два дня после убийства Воскеричян, полиция и мэр Абрахам Бим созвали пресс-конференцию, на которой заявили, что проведенная баллистическая экспертиза установила совпадение пуль в делах Лория и Воскеричян, то есть обе они выпущены из одного и того же револьвера 44-го калибра. Вполне возможно, что в нападениях действительно использовался один и тот же пистолет. Но даже если это было так, у полиции отсутствовали доказательства того, что убийства совершил один и тот же человек, действовавший в одиночку.

Кроме того, официальные лица утверждали, что, хотя результаты экспертизы по делам Денаро, Ломино – ДеМази и Фройнд нельзя назвать однозначными – по сути, те не совпадали вообще, – они тем не менее «уверены», что в этих нападениях использовалось то же оружие, из которого стрелял тот же самый человек.

Так на пресс-конференции, состоявшейся в 112-м полицейском участке в Форест-Хиллз, Кодд и Бим объявили о рождении Убийцы с 44-м калибром – к вящей радости всего мира, получившего долгожданную весть ото всех газетных, телевизионных и радиожурналистов, которые удосужились добраться до Квинса в этот холодный день.

У полиции в запасе имелся еще один сюрприз. Кодд и Бим, хоть и косвенно, но намекнули, что злодей с 44-м калибром, насколько им известно, *не* является человеком в вязаной (возможно, лыжной) шапке, о чем они сильно пожалеют пять месяцев спустя.

Да, Лыжную шапку по-прежнему разыскивали для допроса. Но, тщательно подбирая слова, Кодд рассказал, что его люди в первую очередь ищут белого мужчину ростом около шести футов, весом сто восемьдесят фунтов, одетого в бежевый плащ, с темными волосами, зачесанными назад.

Полиция, в отличие от общественности, знала, что этот человек напугал Эми Джонсон и Пэг Бенсон незадолго до того, как прозвучали выстрелы. Показания девушек держались в секрете и в этой книге обнародуются впервые.

Жителям Нью-Йорка, а вместе с ними и всей нации сообщили иное.

Цитата из «Нью-Йорк таймс»:

Вчера мэр Бим и комиссар полиции Кодд совместно обратились к общественности за помощью, сообщив, что полиция разыскивает человека, подозреваемого в «бессмысленных» убийствах трех молодых женщин, начавшихся 29 июля и включающих два недавних происшествия в Форест-Хиллз.

Данный вывод <...> основан на результатах баллистической экспертизы, показавшей, что во всех трех убийствах использовался один и тот же револьвер 44-го калибра.

Комиссар дал следующее описание человека, разыскиваемого для допроса по делу об убийствах: белый мужчина, возраст – от 25 до 30 лет, рост – от пяти футов десяти дюймов до шести футов, среднего телосложения, ухоженный внешний вид, темные волосы зачесаны назад.

В ответ на вопрос, считают ли они этого человека убийцей, мистер Кодд, однако, заметил: «Я не могу назвать его подозреваемым».

Тогда кем же они его считали? И что насчет Лыжной шапки? У прессы была отличная возможность припереть Кодда и Бима к стенке. Комиссар, почему вчера вы разыскивали одного парня, а сегодня – совсем другого? Как быть с остальными портретами преступников, которые совсем не похожи на ваше описание? Почему вы так уверены, что один пистолет означает одного убийцу?

Если бы эти вопросы тогда прозвучали и если бы на них дали откровенные ответы, выстроенный карточный домик, возможно, рухнул бы сразу, и дело Убийцы с 44-м калибром могло принять совсем другой оборот.

Цитата из «Дейли ньюс»:

Мэр Бим и комиссар Майкл Кодд вчера сообщили, что мужчина, в прошлый вторник убивший в Форест-Хиллз в Квинсе студентку Вирджинию Воскеричян и в январе застреливший другую женщину менее чем в ста ярдах от места этого преступления, также убил женщину в Бронксе в июле прошлого года и ранил по меньшей мере еще двух женщин за последние семь месяцев. <...> Кодд заявил, что баллистическая экспертиза подтвердила использование во всех случаях стрельбы одного и того же револьвера Дикого Запада 44-го калибра.

Еще одно искажение, в дополнение к ранее упомянутому: «бульдог» 44-го калибра не имеет ничего общего со стволами Уайетта Эрпа³⁶. Это короткоствольное оружие, предназначенное главным образом для сотрудников полиции, впервые поступило в продажу в 1974 году. Почему Кодд описал его как длинноствольное оружие Дикого Запада – еще одна загадка, которая, возможно, говорит о многом.

Истина, заключавшаяся в том, что полиция фактически вынесла заочный приговор, так и осталась тайной. Средства массовой информации и порожденный ими общественный резонанс помогли мэру и руководству полиции Нью-Йорка добиться желаемого – создать оперативную группу. Первоначально она включала примерно пятьдесят детективов и офицеров из Бронкса и Квинса, ранее работавших над разными частями расследования.

Руководителем группы на первых порах стал капитан Джозеф Боррелли, а его помощниками – лейтенант Джон Пауэр и сержант Джозеф Коффи. Однако вскоре стало ясно, что в свете широкой огласки дело становится слишком серьезным для того, чтобы его возглавлял капитан. Поэтому месяц спустя, после отказа нескольких должностных лиц от этого назначения, главой группы сделали шестидесятиоднолетнего помощника инспектора Тимоти Дауда. Боррелли, Коффи и Пауэр останутся в составе группы и впредь будут подчиняться Дауду.

Теперь, когда в дело оказался вовлечен мэр, оно обрело политическое значение. Связь с мэрией обеспечила приток денег и кадров, но также породила давление и стороннее вмешательство. Бим готовился к выборам. Он жаждал огласки. Он хотел продемонстрировать личное участие в таком важном деле и запомниться избирателям как госслужащий, чьи усилия гарантировали быстрое и эффективное решение проблемы растущей череды убийств молодых белых представителей среднего класса Квинса и Бронкса.

Март вскоре уступил место апрелю, а с ним пришли весенняя погода и выпавшая на десятое число Пасха. Убийца пока не объявлялся. Репортеры продолжали регулярно брать интервью у детективов, психологов и полицейских начальников, участвовавших в расследовании.

Если реально смотреть на вещи, то следствие уверенно двигалось в никуда. Установив, что все убийства совершались случайным образом, полиция прекратила поиски потенциальных подозреваемых с возможными мотивами отдельных преступлений. Получается, что какой-то безумец просто стрелял в первых попавшихся людей, так? А у безумцев не бывает *реальных* мотивов.

И теперь полиция бросила все силы на поиски этого психа. У них не было подозреваемого. Не было мотивов. Сплошное разочарование. Расследование отчаянно нуждалось в новом импульсе.

³⁶ *Уайетт Эрп* (1848–1929) – американский страж закона и знаменитый картежник времен освоения американского Запада. Получил широкую известность благодаря книгам и кинофильмам в жанре вестерн, хотя в реальности был противоречивой, а не исключительно героической фигурой.

Такой импульс появился ночью 17 апреля 1977 года – в следующее воскресенье после Пасхи.

* * *

Впечатляющая картина маслом, висящая на видном месте в гостиной большой, со вкусом обставленной квартиры на верхнем этаже дома по адресу Хатчинсон-ривер-парквей, 1950, в Пелем-Бей в Бронксе, изображала юную красивую девушку. В ее торжественной позе сквозило что-то мягкое и уязвимое. Царственно великолепная в своем наряде, она была похожа на будущую актрису. По крайней мере, в ней чувствовались такие амбиции.

В девятнадцать лет Валентина Суриани прекрасно знала, чего хочет, и у нее не было оснований полагать, что она не доживет до реализации своей мечты.

Родившаяся в семье почтового служащего Фрэнка Суриани, Валентина в 1976 году окончила Академию святой Екатерины и поступила в Леман-колледж в Бронксе, чтобы обучиться выбранной профессии.

Обладательница коротких каштановых волос и карих глаз, ростом всего пять футов пять дюймов³⁷, она была наделена живым темпераментом и сильной волей к успеху. Валентина легко общалась с теми, кого хорошо знала, но, как и многие люди, приверженные театральному искусству, испытывала некоторое стеснение и неуверенность в себе в присутствии посторонних. В апреле 1977 года она искала фотографа, который помог бы ей создать портфолио, необходимое начинающей актрисе.

Парню Валентины, Александру Эсо, ростом шесть футов один дюйм,³⁸ было двадцать, но длинные вьющиеся каштановые волосы в сочетании с полудетским лицом делали его похожим на шестнадцатилетнего подростка. Он происходил из семьи иммигрантов и работал помощником оператора в «Службе буксировки братьев Луна» на Манхэттене.

В три часа ночи 17 апреля молодая пара, проведя вечер в кино на Манхэттене, а после посетив вечеринку, припарковала автомобиль в затененном месте возле забора из проволочной сетки на западной стороне Хатчинсон-ривер-парквей, напротив дома № 1878 – примерно в двух кварталах к югу от дома Валентины и менее чем в квартале от кирпичного дома Джоди Валенте, расположенного на той же улице.

Из миллионов людей, живущих в Нью-Йорке, среди тысяч его улиц и подъездных дорожек, именно Валентина и Алекс умрут этой ночью, и произойдет это менее чем в двухстах ярдах от того места, где спала раненая подруга Донны.

Алекс сидел за рулем взятого напрокат «меркьюри-монтего». Когда автомобиль остановился, Валентина придвинулась ближе к парню, а потом пересела к нему на колени, вытянув ноги на пассажирское сиденье в сторону двери.

Влюбленные начали целоваться, из-за чего Валентина повернулась лицом к Алексу. Пуля 44-го калибра разбила закрытое стекло переднего пассажирского окна, попала в лицо Валентины над левым уголком рта, прошла вниз через основание шеи и вышла под правым ухом. Второй выстрел попал ей в голову над левым ухом и прошел мозг сверху вниз, после чего пуля застряла в задней части черепа с правой стороны. Промежуток между выстрелами был настолько мал, что Валентина даже не успела упасть.

Алекс между тем попытался укрыться от ревущей ярости. Он рефлекторно нагнулся, спасаясь от выстрелов, но не сумел разобраться, откуда доносится звук стрельбы, и наклонился прямо в противоположную сторону, оказавшись на пути следующих двух пуль – обе они попали ему в макушку и проложили фатальный путь сквозь его мозг.

³⁷ Около 165 см.

³⁸ 185,4 см.

А потом все стихло.

Двое молодых влюбленных неподвижно лежали в машине. Валентина по-прежнему опиралась на колени Алекса, а его верхняя часть тела наклонилась к пассажирской двери. Их кровь смешивалась воедино.

Валентина была уже мертва. Алекс, несмотря на отчаянные попытки спасти его, скончался несколько часов спустя в больнице Монтефиоре в Бронксе.

В зарождающемся утреннем свете пожилые женщины, жившие в кирпичных домах через дорогу, печально несли к месту происшествия ведра с водой, чтобы смыть следы ужаса прошлой ночи. Эмоциональный жест жителей итальянского района, сделанный из уважения к погибшей паре.

Однако ничто не могло стереть грязное пятно, расплывшееся по Нью-Йорку.

Преступник был поразительно точен, даже с учетом того, что стрельба велась с близкого расстояния.

Четыре смертельных выстрела в голову были сделаны из оружия, известного сильной отдачей. Личность нападавшего по-прежнему оставалась мучительной загадкой. Но, прежде чем сбежать, он сделал то, чего не делал раньше, – оставил жуткую визитную карточку на дороге рядом с автомобилем жертв. Это был конверт, адресованный детективу Квинса, капитану Джозефу Боррелли.

Внутри конверта находилось письмо, ознаменовавшее рождение Сына Сэма.

* * *

В понедельник, 18 апреля, нью-йоркские газеты провозгласили возвращение ночного убийцы. «ДЕВУШКА ИЗ БРОНКСА ЗАСТРЕЛЕНА В МАШИНЕ, ОРУЖИЕ СВЯЗАНО С ТРЕМЯ ДРУГИМИ УБИЙСТВАМИ», – огромными буквами кричала передовица «Дейли ньюс». Под заголовком разместили большую фотографию улыбающихся Алекса и Валентины в строгих нарядах, словно предназначенных для похода на выпускной или свадьбу.

На следующий день «Ньюс» через свои источники в полиции узнала, что преступник оставил на месте происшествия письмо. «УБИЙЦА – КОПАМ: „Я СДЕЛАЮ ЭТО СНОВА“. ИЗДЕВАТЕЛЬСКАЯ ЗАПИСКА КАК ПЕРВАЯ НАДЕЖНАЯ УЛИКА», – разразилась криком первая полоса. Ниже напечатали два полицейских портрета – оба из дела об убийстве Воскеричян в марте.

Рисунки изображали Лыжную шапку и мужчину в бежевом плаще, а подпись к ним гласила, что эти двое разыскиваются для допроса. Поскольку ранее полиция утверждала, что за всеми убийствами стоит один и тот же человек, Лыжную шапку теперь называли свидетелем.

С уверенностью можно сказать, что человеком в бежевом плаще был Дэвид Берковиц, поскольку, помимо прочего, сравнение портрета с его фотографией показывает их сильное сходство. Однако нельзя быть столь же уверенными в том, что Лыжная шапка был мужчиной. Этот «свидетель», который так и не вышел на первый план, вполне мог оказаться женщиной.

В деле явно скрывалось нечто большее. Однако полиция так не думала. Адресованное Боррелли письмо, оставленное преступником на месте стрельбы в Суриани-Эсо, опровергало присутствие двух человек при убийстве Воскеричян просто потому, что его якобы написал человек, претендующий на ответственность за все убийства. Полицейским нужен был один виновный? И вот он у них появился.

«Дейли ньюс» со ссылкой на источник в полиции написала, что в письме убийца сообщил властям, что живет в «кошмарном мире вампиров-кровососов и монстров Франкенштейна». «Ньюс» также заявила, что в письме были «шотландский говор» и слова «слишком много сердечных приступов».

Последняя формулировка побудила полицию зарыться в больничные записи, потому что они решили, что, возможно, с отцом убийцы после случившегося у него инфаркта плохо обращались медсестры с каштановыми волосами, в результате чего сумасшедший отпрыск решил нападать на девушек с таким же цветом волос. Кроме того, Донна Лория работала медицинским техником, а Джоди Валенте училась на медсестру. Это подкрепило новую теорию, хотя оставалось непонятным, как следователи собирались согласовать возможное знание убийцей рода занятий жертв с версией о предположительно случайном характере нападений.

Письмо также заставило полицию поверить, что убийца учился в католической школе – этот вывод стоит запомнить.

Жители Нью-Йорка так и не узнали причину озабоченности властей подобными вопросами, потому что записку утаили от общественности. В «Дейли ньюс» тоже никто лично не видел послания, в связи с чем полиция смогла выпустить опровержение – лживое – высказанного убийцей предупреждения о новом ударе.

Рядовым членам опергруппы, по словам некоторых из них, также не довелось увидеть то письмо. Боррелли и Дауд просто не показали его им. А ведь эти люди отвечали за поимку убийцы. Все решалось наверху, в очень узком кругу.

Так или иначе, сокрытие адресованного Боррелли письма стало серьезной ошибкой, поскольку в его тексте содержались важные зацепки, которые, будь они вовремя обнародованы, могли бы привести к более раннему аресту виновного – и сокращению числа жертв.

Послание занимало четыре страницы и было написано наклонными печатными буквами:

Я ГЛУБОКО ОСКОРБЛЕН ТЕМ, ЧТО ВЫ НАЗЫВАЕТЕ МЕНЯ ЖИНОНЕНАВИСТНИКОМ³⁹. Я НЕ ТАКОЙ.

НО Я ЧУДОВИЩЕ.

Я – «СЫН СЭМА». Я МЕЛКОЕ «ОТРОДЬЕ».

КОГДА ОТЕЦ СЭМ НАПИВАЕТСЯ, ОН СТАНОВИТСЯ ЗЛЫМ. ОН БЬЕТ СВОЮ СЕМЬЮ. ИНОГДА ОН СВЯЗЫВАЕТ МЕНЯ НА ЗАДНЕМ ДВОРЕ. В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ ОН ЗАПИРАЕТ МЕНЯ В ГАРАЖЕ. СЭМ ЛЮБИТ ПИТЬ КРОВЬ.

«ИДИ И УБЕЙ», – ПРИКАЗЫВАЕТ ОТЕЦ СЭМ.

ЗА НАШИМ ДОМОМ МЕСТО ВЕЧНОГО ПОКОЯ. В ОСНОВНОМ МОЛОДЫЕ – ИЗНАСИЛОВАННЫЕ И УБИТЫЕ – ИХ КРОВЬ ВЫСОСАНА – ТЕПЕРЬ ТОЛЬКО КОСТИ.

ЕЩЕ ПАПА СЭМ ЗАПИРАЕТ МЕНЯ НА ЧЕРДАКЕ. Я НЕ МОГУ ВЫБРАТЬСЯ, НО СМОТРЮ В ЧЕРДАЧНОЕ ОКНО И НАБЛЮДАЮ, КАК МИР ПРОХОДИТ МИМО. Я ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ЧУЖАКОМ. Я НА ДРУГОЙ ВОЛНЕ, ЧЕМ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ – ЗАПРОГРАММИРОВАН УБИВАТЬ.⁴⁰

НО ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬ МЕНЯ, ВАМ ПРИДЕТСЯ МЕНЯ УБИТЬ. ВНИМАНИЕ ВСЕЙ ПОЛИЦИИ: СТРЕЛЯЙТЕ В МЕНЯ ПЕРВЫМИ – СТРЕЛЯЙТЕ НА ПОРАЖЕНИЕ ИЛИ ВРОДЕ ТОГО.

НЕ СТОЙТЕ У МЕНЯ НА ПУТИ ИЛИ УМРЕТЕ!

ТЕПЕРЬ ПАПА СЭМ УЖЕ СТАРЫЙ. ЕМУ НУЖНА КРОВЬ, ЧТОБЫ СОХРАНЯТЬ МОЛОДОСТЬ. У НЕГО БЫЛО СЛИШКОМ МНОГО СЕРДЕЧНЫХ ПРИСТУПОВ. СЛИШКОМ МНОГО СЕРДЕЧНЫХ ПРИСТУПОВ. «УХ, КАК МНЕ БОЛЬНО, СЫНОК»⁴¹.

³⁹ Автор письма неправильно написал слово «женщины» – *weton* вместо *women*. Впоследствии эта ошибка стала традиционной для Дэвида Берковица.

⁴⁰ В оригинале вместо частицы *to*, используемой перед неопределенной формой глагола *kill*, убивать, написано *too*, что может быть игрой слов – звучит примерно так же, но по смыслу намекает на большое число убийств (слово «*too*» имеет значение «очень» и «чрезмерно»).

⁴¹ Эта фраза в оригинале копирует шотландский выговор.

БОЛЬШЕ ВСЕГО Я СКУЧАЮ ПО СВОЕЙ МИЛОЙ ПРИНЦЕССЕ. ОНА ПОКОИТСЯ В НАШЕМ ЖЕНСКОМ ДОМЕ. НО СКОРО МЫ С НЕЙ ВСТРЕТИМСЯ.

Я – «МОНСТР» – «ВЕЛЬЗЕВУЛ» – «ПУХЛЫЙ БЕГЕМОТИЩЕ»⁴².

Я ЛЮБЛЮ ОХОТИТЬСЯ. РЫСКАТЬ ПО УЛИЦАМ В ПОИСКАХ ЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ – ВКУСНОГО МЯСА. ЖИНЩЕНЫ ИЗ КВИНСА – САМЫЕ КРАСИВЫЕ. Я ДОЛЖЕН СТАТЬ ВОДОЙ, КОТОРУЮ ОНИ ПЬЮТ. Я ЖИВУ РАДИ ОХОТЫ – ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ. КРОВЬ – ДЛЯ ПАПЫ.

МИСТЕР БОРЕЛЛИ⁴³, СЭР, Я БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ УБИВАТЬ, НЕТ, СЭР, БОЛЬШЕ НЕ ХОЧУ, НО Я ДОЛЖЕН «ПОЧИТАТЬ СВОЕГО ОТЦА». Я ХОЧУ ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ СО ВСЕМ МИРОМ. Я ЛЮБЛЮ ЛЮДЕЙ.

МНЕ НЕТ МЕСТА НА ЗЕМЛЕ. ВЕРНИТЕ МЕНЯ К СКОТАМ. ЖИТЕЛЯМ КВИНСА: Я ЛЮБЛЮ ВАС. И Я ХОЧУ ПОЖЕЛАТЬ ВСЕМ ВАМ СЧАСТЛИВОЙ ПАСХИ. ДА ХРАНИТ ВАС БОГ В ЭТОЙ ЖИЗНИ И В СЛЕДУЮЩЕЙ. А ПОКА Я ГОВОРЮ ВАМ «ДО СВИДАНИЯ» И «ДОБРОЙ НОЧИ». ПОЛИЦИИ: ПОБОЙТЕСЬ МОИХ СЛОВ:

Я ВЕРНУСЬ!

Я ВЕРНУСЬ!

ВЫ УЗНАЕТЕ ЭТО – БАХ, БАХ, БАХ, БАНК, БАХ⁴⁴ – ОХ!!

Убийственно ваши,

мистер Монстр

Если слова «я вернусь» не означают «я сделаю это снова», то я готов извиниться перед Департаментом полиции Нью-Йорка за обвинение их во лжи.

Что касается остального содержания, то в письме было немало зацепок: упоминание дома с гаражом и чердаком, что похоже на жилье в пригороде; старик по имени Сэм – склонный к насилию алкоголик с большим сердцем, у которого была семья и который, по всей видимости, говорил с шотландским акцентом. Там также имелся намек на собаку и какой-то «задний двор».

Кроме того, в письме четко указывалось, что преступник *планировал* нападение в Квинсе, а не в Бронксе, и собирался совершить его неделей раньше – в Пасху. Получается, что стрельба, намеченная на более ранний срок в Квинсе, была отложена и перенесена в Бронкс. Это расходилось с представленным властями психологическим портретом одержимого убийцы, чья сдерживаемая внутренняя ярость якобы прорывалась самым непредсказуемым образом.

Есть все основания полагать (причем, *не задним числом*) – особенно в свете событий, которые будут подробно описаны позже, – что, будь письмо обнародовано раньше, кто-нибудь в нью-йоркской агломерации, прочитав его, непременно предоставил бы жизненно важную информацию о «Сэме» и его убийствах.

Однако никто, кроме горстки полицейских чиновников и психиатров-консультантов, не увидит это послание. Исключением станет лишь Джимми Бреслин, обозреватель «Дейли ньюс».

В его колонке от 28 июля, посвященной годовщине смерти Донны Лория, проскользнет намек на знакомство с текстом: Бреслин напишет, что убийца, «называющий женщин жинщенами», может пропустить знаковую дату, глядя в «свое чердачное окно», – прямые ссылки на адресованное Боррелли послание.

⁴² Еще одно выдуманное автором письма слово *behemoth* – то ли ошибка, то ли намеренное объединение слов «бегемот» и «рот».

⁴³ Фамилия адресата указана с ошибкой – «Борелли» вместо «Боррелли».

⁴⁴ Повторение обозначения звука *bang* один раз заменяется словом *ban*.

Бреслин увидит записку, которую полицейское начальство не покажет даже работавшим над делом детективам. Впрочем, возможно, в этом есть некая справедливость. В конце концов, Бреслину предстоит показать им письмо, адресованное ему самому.

* * *

Приближался День поминовения⁴⁵, с момента убийства Валентины Суриани и Александра Эсо прошло шесть недель. Однако полиция, несмотря на усиление следствия специально созданной опергруппой в составе более чем полутора сотен служащих, включая детективов, не добились в этом деле никакого прогресса. Большая часть усилий тратилась на проверку нынешних и бывших пациентов психиатрических клиник, склонных к женоненавистничеству сексуальных преступников и возможных подозреваемых из постоянно растущего списка, сформированного по звонкам на «горячую линию», открытую полицией по «делу 44-го калибра».

26 мая Департамент полиции Нью-Йорка обнародовал новый психологический портрет убийцы. Его описали как невротика, шизофреника и параноика – грошовой вывод по результатам заочного психиатрического анализа. Эксперты также полагали, что убийца может считать себя жертвой, «одержимой демонами».

В дальнейшем этот легкий толчок со стороны полиции приведет к значительным последствиям.

Действуя в более реалистичном ключе, детективы пытались отследить и заполучить на анализ пятьдесят шесть «бульдогов» 44-го калибра производства компании «Чартер армз», официально зарегистрированных в Нью-Йорке. В итоге они нашли их все, но это не принесло результатов.

Взяв низкий старт, инспектор Дауд организовал общенациональный марафон поисков всех когда-либо выпущенных «бульдогов» 44-го калибра – их насчитывалось 28 000. Примерно 670 из них в свое время украли из «Чартер армз», так что отследить их было невозможно. Миссия выглядела безнадежной и прекрасно иллюстрировала полное отсутствие сдвигов в деле и то отчаяние, что охватило следователей.

Полиция зашла в тупик. У них были группы «подсадных», которые обнимались в припаркованных автомобилях, и манекены, сидевшие в других машинах, они консультировались с экстрасенсами и изучали тысячи сигналов, поступавших от граждан и правоохранительных органов. Дела по-прежнему шли плохо. Нужен был новый стимул.

30 мая, в День поминовения, такой стимул бросили в почтовый ящик в Энглвуде, штат Нью-Джерси. Ящик находился рядом с большим жилым комплексом, расположенным в зажиточном пригороде, всего в нескольких милях – через мост Джорджа Вашингтона – от Верхнего Манхэттена. Если точнее, ящик стоял на углу Миртл-стрит и Лоррейн-корт – полиция смогла установить это абсолютно точно, поскольку в связи с праздником письмо вручную проштамповали в местном почтовом отделении.

Конверт был адресован некоему Джимми Бреслину, Графу Квинс-бульвара и скандальному колумнисту «Дейли ньюс».

К сорока семи годам Бреслин добился успеха, который во многих отношениях следует признать заслуженным. Колоритный автор, певец улиц, пишущий о житейских вещах и притом пишущий хорошо, он выпустил несколько неплохо принятых романов, и многие американцы знали его в лицо после рекламы пива «Пилс», где он изобразил карикатуру на самого себя – с сигарой в руке говорил: «Это хорошее пиво».

⁴⁵ Национальный праздник в США, посвященный памяти американских военнослужащих, погибших во всех войнах и вооруженных конфликтах, в которых страна когда-либо принимала участие. Отмечается ежегодно в последний понедельник мая.

Однако слава пробудила в нем самодовольство и также, по мнению некоторых, легкую журналистскую амбивалентность. Большой любитель криминала, Бреслин проявлял повышенный интерес к делу Сына Сэма и выпустил о нем несколько колонок в своем фирменном стиле «топчу-тротуары-с-копами». В опергруппе «Омега» у него имелись собственные связи.

После прихода адресованного Бреслину письма в здание «Дейли ньюс» на 42-й Восточной улице на Манхэттене газета несколько дней выпускала интригующие статьи и поднимала себе тиражи, обсасывая эту историю, и только потом обнародовала, наконец, содержание послания. Его публикация взбудоражила весь столичный регион.

Текст вызвал взрывной интерес, жители Нью-Йорка как никогда раньше принялись шевелить мозгами в попытке раскрыть дело. Причина была проста: в послании содержалось четыре псевдонима убийцы, четыре прозвания, породивших в общественном сознании сотни различных ассоциаций.

Письмо и без этих подсказок выглядело леденящим душу шедевром – живым, гладко написанным литературным текстом, буквально бурлящим яркими образами. Произведение одаренного и умного автора.

Послание пришло почтой из Энглвуда, но оно действительно явилось, как говорилось в его первых строках, из сточных канав и сырых, окутанных туманом переулков в недрах города. А еще – из самых потаенных уголков человеческого мозга, откуда сочатся самые страшные кошмары.

Привет из сточных канав Нью-Йорка, полных собачьего дерьма, блевотины, прокисшего вина, мочи и крови.

Привет из канализации Нью-Йорка, поглощающей эти деликатесы, когда их смывают подметальные машины. Привет из трещин на нью-йоркских тротуарах и от муравьев, обитающих в этих трещинах и питающихся засохшей кровью мертвых, которая в них просочилась.

Джей Би, я решил черкнуть тебе пару строк, чтобы ты знал, как я ценю твой интерес к недавним ужасным деяниям Убийцы с 44-м калибром. Я также хочу сказать тебе, что ежедневно читаю твою колонку и нахожу ее весьма познавательной.

Скажи-ка, Джим, что ждет тебя двадцать девятого июля?

Можешь забыть обо мне, если хочешь, потому что мне плевать на славу. Однако ты не должен забывать Донну Лория и не можешь дать людям забыть о ней. Она была очень, очень милой девушкой, но Сэм, этот парень, он вечно страдает от жажды, и он не позволит мне прекратить убийства, пока не получит свою порцию крови.

Мистер Бреслин, сэр, не думайте, что я впал в спячку, раз [от меня] давно нет вестей. Нет, я все еще здесь. Как дух, блуждающий в ночи. Мучимый жаждой, голодный, редко нуждающийся в отдыхе; стремящийся угодить Сэму. Я люблю свою работу. Теперь пустота заполнена.

Возможно, когда-нибудь мы встретимся лицом к лицу, или, быть может, меня в клочья разнесут копы с дымящимися пистолетами 38-го калибра. Как бы то ни было, если мне повезет встретиться с вами, и вы захотите этого, я расскажу вам все о Сэме и познакомлю вас с ним. Его зовут Сэм Ужасный.

Не зная, что несет нам будущее, хочу попрощаться: до встречи в следующий раз.

Или мне следует сказать, что вы увидите труд рук моих, когда в следующий раз возьметесь за работу? Помните мисс Лория. Спасибо.

В их крови

и

*прямиком из сточной канавы
«Создание Сэма» с 44-м калибром*

Вот несколько имен, которые могут вам помочь. Передайте их инспектору, пусть прогонят через N.C.I.C.⁴⁶

«Герцог смерти»

«Злой король плетень»

«Двадцать два сподвижника Ада»

«Джон „Уитис“ – насильник и душитель юных дев».

PS: Джей Би. Пожалуйста, сообщите всем детективам, работающим над раскрытием убийства, что им надо продолжать.

P. S: Джей Би, пожалуйста, сообщите всем детективам, работающим над этим делом, что я желаю им удачи. «Продолжайте копать, двигайтесь дальше, мыслите позитивно, отрывайте свои задницы от стульев; стучите по гробам и всякое такое».

После моей поимки я обещаю купить всем парням, работавшим над делом, по новой паре обуви, если у меня будут деньги.

Сын Сэма

На обратной стороне конверта теми же чеканными печатными буквами было написано:

Кровь и Семейная тьма и Безусловно смертельная порочность, 44

Ниже стоял графический символ Сына Сэма. Это был дьявольски хороший обратный адрес, и его скрыли от общественности.

Не считая в совершенстве выписанных печатных букв, письмо Бреслину выделялось особенностями размещения текста – центрирование и отступы обычно используют люди, знакомые с приемами типографики.

Телефоны полиции взорвались звонками, едва письмо было опубликовано. Люди подозревали журналистов, художников, иллюстраторов, карикатуристов, мужчин по имени Джон, мальчиков с прозвищем Герцог. Полиция тем временем устроила у себя просмотр шотландского фильма «Плетеный человек», сюжет которого вращался вокруг друидских жертвоприношений, сжигаемых в плетеных корзинах.

Полиция заявила, что, по их мнению, графический символ в конце письма использует знаки, универсальные для обозначения мужчин и женщин. Они ошибались. Символ заимствован у оккультиста девятнадцатого века Элифаса Леви⁴⁷. А знаки на самом деле были астрологическими изображениями Марса, бога войны, и Венеры – покровительницы древнеримской канализации, богини, также известной как Пластида.

⁴⁶ Национальный центр информации о преступности (NCIC) – федеральная база данных США, созданная в 1967 году директором ФБР Дж. Эдгаром Гувером для облегчения обмена информацией между многочисленными правоохранительными органами. Включает, помимо прочего, реестры насильственных преступников, лиц в розыске, пропавших без вести, неопознанных трупов и др.

⁴⁷ Элифас Леви – псевдоним французского оккультиста и таролога Альфонса-Луи Констана (1810–1875), опубликовавшего несколько книг о магии и оказавшего влияние на многих приверженцев каббалы и мистицизма, включая Алистера Кроули.

* * *

Три недели спустя Джуди Пласидо с Уикхем-авеню в Бронксе отмечала окончание Академии святой Екатерины – той самой школы, откуда годом ранее выпустилась Валентина Суриани. Семнадцатилетняя Джуди не знала Валентину, с которой, однако, была знакома ее подруга. И еще один факт, который сохраняют в тайне: Джуди вместе с подругой присутствовала на похоронах Валентины. Мир Убийцы с 44-м калибром оказался не таким уж большим.

В субботу, 25 июня, Джуди в компании трех подруг проехала по мосту Уайтстоун, направляясь на вечеринку в дискотеке под названием «Элифас», расположенной в Квинсе, на Северном бульваре в районе Бейсайд. Латинское слово «элифас» в переводе означает «слон». В оккультизме слон – это демон Бегемот, отсылка к которому содержалась в апрельском письме Сына Сэма, адресованном капитану Боррелли. Подтекст здесь очевиден – и имеет важное значение.

Этой ночью шел дождь, и сочетание ненастной погоды с растущим страхом перед Убийцей с 44-м калибром превратило обычно переполненный «Элифас» в подобие пустыни.

Однако ночь набирала силу, и к одиннадцати часам публики стало больше. Именно тогда Джуди познакомилась с Сальваторе Лупо, двадцатилетним работником бензоколонки из Маспета в Квинсе. Модно подстриженный, с аккуратными усами, Лупо отличался любовью к спорту и прекрасно танцевал, чем сразу привлек внимание жизнерадостной Джуди, стройной девушки с длинными волнистыми каштановыми волосами, питавшей слабость к дискотечным танцам.

Джуди была младшей из троих детей и на тот момент жила с тетей. Ее мать умерла от болезни Ходжкина девять лет назад, а отец снова женился и проживал неподалеку вместе со второй женой.

В два часа ночи подруги Джуди решили, что «Элифаса» с них хватит. Сама Джуди, однако, хотела остаться, чтобы продолжить общение с Лупо. Друг Лупо Ральф Сакканте работал в «Элифасе» вышибалой и в тот вечер привез туда Сала на своей машине. Лупо сказал Джуди, что, если она останется до закрытия дискотеки, потом они с Сакканте отвезут ее обратно в Бронкс. Обсудив ситуацию с подругами, Джуди согласилась.

В три часа ночи, спустя еще час танцев и разговоров, Лупо показал Джуди ключи от темно-бордового «кадиллака» 1972 года выпуска, принадлежавшего его другу, и предложил подождать в машине, пока Сакканте закончит работу. Автомобиль был припаркован примерно в двух кварталах от «Элифаса», среди жилых домов на 211-й улице, неподалеку от перекрестка с 45-й дорогой.

Взявшись за руки, молодая пара вышла из дискотеки, направилась напрямиком к «кадиллаку», села в него и завела беседу. Несколькими минутами ранее свидетели заметили еще один «кадиллак», более старый, золотистого цвета с черной виниловой крышей и повреждениями задней части, который медленно курсировал по окрестностям. За рулем в нем сидел белый мужчина лет двадцати-тридцати с короткими черными волосами и тонкими усами.

В машине Сакканте Лупо и Джуди в процессе разговора закурили, и сидевший на месте водителя Лупо ласково приобнял Джуди за шею правой рукой. Десять минут они провели в тишине. Потом, по иронии судьбы, их разговор перешел на тему Сына Сэма.

И тогда Сын Сэма решил к ним присоединиться.

Первый выстрел, нацеленный в голову Джуди, разбил переднее боковое стекло со стороны пассажира, рассек правое запястье Лупо и попал девушке в шею. Продолжая двигаться вниз, пуля вышла из ее шеи и воткнулась в сиденье. Осколок разбитого стекла вонзился в правую ногу Лупо.

Парень нырнул за спинку переднего сиденья и через окно разглядел пистолет, который продолжал изрыгать красные вспышки. Вторая пуля попала Джуди в голову, но по счастливой случайности лишь слегка задела череп, проникнув под кожу, пройдя по поверхности лба и застряв чуть выше правой брови.

Следующая пуля пробила Джуди плечо и, как и после первого выстрела, отклонилась вниз и врезалась в подушку сиденья.

На этом стрельба закончилась. Лупо распахнул дверцу машины и бросился к «Элифасу», оставляя за собой кровавый след из раны на ноге. Джуди осталась в «кадиллаке» в одиночестве.

Пребывая в шоке и так и не поняв, что в нее стреляли, девушка несколько минут просидела, не двигаясь, а потом посмотрела на себя в зеркало заднего вида и увидела, что она вся в крови. Охваченная паникой, она выползла из «кадиллака» и, спотыкаясь, побрела по 211-й улице, пытаясь сосредоточиться на далеких огнях «Элифаса». На перекрестке с 45-й дорогой ее силы иссякли, и она рухнула на мокрую от дождя мостовую.

Район мигом ожил, и кто-то из собравшейся обеспокоенной толпы накрыл Джуди одеялом. Люди сразу же вызвали полицию и скорую. Лупо, рассказав швейцару «Элифаса» о стрельбе, также вернулся к упавшей Джуди.

Дежурившие в этом районе в гражданской машине без опознавательных знаков детектив-сержант Джозеф Коффи и его напарник уехали оттуда всего за несколько минут до начала стрельбы. Услышав вызов по рации, двое разъяренных полицейских поспешили вернуться.

В трех кварталах к югу от места происшествия свидетель заметил коренастого белого мужчину в темной одежде, который бежал по 211-й улице, удаляясь от места стрельбы. Другой свидетель видел, как хорошо одетый усатый молодой человек с волосами песочного цвета запрыгнул в желтую или золотистую машину типа «шевроле-нова» и рванул прочь из района, не зажигая фар. Очевидец сообщил часть цифр с номера автомобиля, но это ни к чему не привело. Считалось, что замеченный человек наблюдал за стрельбой и сбегал в том же направлении, что и убийца, – однако информацию предпочли сохранить в тайне. (Похожий автомобиль был припаркован через дорогу от места убийства Донны Лория в Бронксе. Позднее появятся доказательства присутствия такого же типа машины еще при двух нападениях Сына Сэма.)

В больнице хирурги залатали запястье Лупо и его порезанную ногу. Джуди Пласидо выздоровела, что трудно назвать иначе как чудом. Однако ни она, ни Лупо не смогли описать нападавшего полиции.

* * *

Заголовки вышедших после нападения газет усилили массовое ощущение ужаса, охватившее Нью-Йорк. Страх нагнетался и пониманием того, что полиция, по всеобщему признанию, не добилась в расследовании никаких сколько-нибудь значимых успехов. Численность опергруппы «Омега» под руководством Дауда увеличили, а в начале июля мэр Бим объявил, что выделяет на это дело еще больше полицейских и планирует усилить патрулирование улиц в преддверии 29 июля – годовщины смерти Донны Лория в Бронксе.

В послании Бреслину Сын Сэма написал: «Скажи-ка, Джим, что ждет тебя двадцать девятого июля?» Бим действовал в ответ на эти слова, однако некоторые, включая журналистов «Нью-Йорк таймс», раскритиковали его за спекуляцию.

Двадцать восьмого числа в колонке под названием «Убийце с 44-м калибром на его первый День смерти» Бреслин задался вопросом, ждать ли нового удара Сына Сэма: «И где-то в нашем городе одиночка, безумный одиночка берет в руки эту газету и злорадствует. Он снова добился своего. Важен ли для него завтрашний день, 29 июля, настолько, что ему придется выйти на ночные улицы и найти себе жертву? Или он будет сидеть взаперти, смотреть в свое

чердачное окно и трепетать от ощущения собственной власти, той власти, которой он обладает над газетами и телевидением, мыслями и разговорами большей части городской молодежи?»

Две представительницы упомянутой городской молодежи, двадцатилетняя Стейси Москович и ее пятнадцатилетняя сестра Рикки, знали о годовщине 29 июля не хуже других жителей Нью-Йорка.

В четверг, двадцать восьмого числа, сестры вышли из своего дома в бруклинском районе Флэтбуш и отправились в ресторан «Бифштек от Чарли», расположенный на Оушен-авеню в Шипсхед-Бей.

Миниатюрная Стейси, рост которой составлял всего пять футов два дюйма⁴⁸, работала координатором цвета в офисе обувной корпорации «Минелла», размещавшемся в Эмпайр-стейт-билдинг в самом центре Манхэттена. До того как устроиться на эту работу, привлекательная кареглазая блондинка отучилась в старшей школе Лафайетт в Бруклине и Школе бизнеса Адельфи.

Стейси была живой, общительной девушкой и только что вернулась в Нью-Йорк после отдыха в Мексике. Когда ее отец Джерри встретил дочь в аэропорту Джона Ф. Кеннеди, она удивила его коробкой кубинских сигар, купленных в Акапулько. В этом была вся Стейси.

Пока она и Рикки лениво болтали в ожидании ужина, к их столику подошел высокий молодой человек с темными волосами и усами и спросил, не позволят ли они на минутку к ним присоединиться. Сестры с любопытством уставились на красивого незваного гостя.

– Ладно, – кивнула Стейси, и Роберт Виоланте скользнул к ним в кабинку.

Двадцатилетний Виоланте окончил старшую школу в бруклинском Нью-Утрехте и успел поработать продавцом в нескольких магазинах мужской одежды. Он жил с родителями на Бейридж-парквей и ныне устроил себе летние каникулы, отдыхая от работы, однако планировал вернуться к ней после Дня труда⁴⁹.

В «Бифштек от Чарли» он пришел с двумя друзьями и заметил Стейси и Рикки, едва они вошли в зал. Решив наладить знакомство, он поначалу сосредоточил внимание на младшей Рикки. Однако та, сообразив, что он слишком стар для нее, перевела разговор на Стейси, и Виоланте быстро переключился.

В итоге он позвал Стейси на свидание. Ее привлекла его уверенность в себе, и она рассудила, что их род занятий – ее работа в обувном бизнесе и его розничная торговля – во многом схожи. Поэтому девушка согласилась пойти с ним на свидание, и Виоланте записал ее номер телефона и адрес, сказав, что заедет за ней в восемь вечера в субботу, 30 июля.

* * *

Тем временем выше по течению реки Гудзон, в одной из квартир жилого дома, расположенного в пригородном Йонкерсе, молодой человек по имени Дэвид Берковиц решил использовать юбилейную дату в собственных целях. Он прекрасно знал, что стоит на кону и чем это может для него закончиться. Однако иная возможность могла и не представиться, поэтому он не стал откладывать задуманное. Его личное «празднование» 29 июля должно было произвести ошеломляющий эффект. Он вряд ли мог помыслить, что власти сохранят его письмо в тайне. Ко мне в руки оно попадет лишь четыре года спустя.

Внимание всем полицейским учреждениям в округе трех штатов⁵⁰!

⁴⁸ 157,5 см.

⁴⁹ Национальный праздник в США, традиционно отмечаемый большинством американцев в первый понедельник сентября как символический конец лета.

⁵⁰ Нью-йоркская агломерация является точкой встречи границ трех штатов, поскольку включает в себя части штатов

Довожу до вашего сведения, что сатанинский культ (дьяволопоклонники и магопрактики), существующий на протяжении довольно длительного времени, получил указание от своего высшего командования (Сатаны) начать систематические убийства и умерщвления юных девушек и людей чистой крови с хорошим здоровьем.

В рамках сатанинского ритуала, предполагающего пролитие крови невинных жертв, они планируют убить по меньшей мере 100 молодых женщин и мужчин, но главным образом женщин...

Внимание: улицы будут залиты кровью.

Я, Дэвид Берковиц, был избран, избран с рождения, чтобы стать одним из палачей этого культа.

Имеющий глаза, да увидит погибшие жертвы.

Имеющий уши, да услышит, что я сказал.

29 июля наступило и прошло без происшествий.

Глава 4

Ее звали Стейси

Паром, прибывший в 18:15 в Дэвис-Парк на Огненном острове из Патчога, Лонг-Айленд, был почти пуст, когда уткнулся в узкий пирс, заглушил кашляющие двигатели и затих, закрепленный на месте толстым канатом силами небольшой команды, состоявшей из совсем юных матросов.

Стоял субботний вечер, 30 июля, и по опустившимся с грохотом на берег сходням на старый деревянный причал вышла лишь горстка просто одетых пассажиров. Этот причал иногда называли Пресвитерианским – скорее всего по некой не самой благочестивой причине, кроющейся в колоритном прошлом обветшалого сооружения.

Происходящее резко отличалось от вечера накануне: пятничные паромы обычно до отказа набивались совладельцами пляжных домиков, или «групперами», как их цинично называли собственники и арендаторы, способные оплатить стоимость летнего домика в одиночку, не деля его с коллегами.

Дэвис-Парк и все тридцать две мили Огненного острова, входящие в систему общественных пляжей на Атлантическом побережье, финансируемых федеральным правительством, привлекают в выходные многих, а потому транспортная связь с Нью-Йорком ни разу не прерывалась здесь более чем на пять дней подряд. Начиная со второй половины дня пятницы и до последнего парома, прибывающего в одиннадцать вечера, сюда стекаются выползшие из пропаренных недр города измотанные секретари, администраторы, художники, писатели, бухгалтеры и прочие разновидности «белых воротничков». Они жаждут расслабиться на солнце, вдохнуть пропитанный солью воздух, а вместе с ними прибывают и самые горячие новости из «Яблока»⁵¹. Все это продолжается до позднего вечера воскресенья, когда поток перенаправляется обратно, в сторону далекого невидимого мегаполиса.

Приезжие в основном молоды. И, в силу возраста, убийства Сына Сэма цепляют их лично. Они могут оставить позади работу, будничных любовников и психоаналитиков, но привозят с собой страх и озабоченность историей с Сэмом – факт, очевидный из тона разговоров, доносящихся из пятничной толпы, пока приезжие перегружают продукты и багаж на скрипящие красные тележки, которые им предстоит медленно тащить по направлению к дому.

На Огненном острове запрещены автомобили, и в те выходные это ограничение породило не одну циничную шутку, ведь большинство жертв Сына Сэма пострадало, сидя в припаркованных машинах. В Дэвис-Парке также очень мало тротуаров. Взамен них по песку тянутся дощатые настилы шириной в шесть футов с деревенскими названиями вроде Морская слива, Брызги морской пены и Китовый ус.

Дом, где я жил, располагался на полпути между заливом и великолепным пляжем на атлантической стороне острова и находился не более чем в двухстах ярдах от воды, в какую сторону ни пойдешь.

Каникулы на Огненном острове всегда проходили хорошо, позволяя на время сбежать от бетона, машин и суеты «материка», как в совокупности называли Лонг-Айленд и остальную часть столичного региона.

⁵¹ Жаргонное название Нью-Йорка, также «Большое яблоко».

* * *

Однако в субботу 30 июля мы не могли перестать думать о материке. Джордж Остин, моя жена Линн и я стояли на причале в толпе блестящих от масла для загара путешественников, планирующих отправиться на прибывшем в 18:15 пароме обратно в Патчог. Линн тоже уезжала – возвращалась в Вестчестер, чтобы навестить своих вышедших на пенсию родителей, только что прибывших в Нью-Йорк из Флориды, куда они недавно переселились. Мы с Джорджем оставались на выходные, чтобы привести в порядок дом, и планировали уехать с пляжа в понедельник, 1 августа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.